

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Понятие и признаки соучастия в преступлении по российскому уголовному праву»

Обучающийся

И.В. Дегтярева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Актуальность исследования: с ростом преступлений, совершенных в соучастии, возрастает и риск того, что такие преступления имеют высокую общественную опасность, так как в составе группы совершаются насильственные, корыстные преступления, а также преступления, направленные против общественной и государственной безопасности, основ конституционного строя и другие тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом несмотря на то, что институт соучастия формально закреплен в нормах действующего уголовного закона, возникает множество вопросов как в научно-теоретическом аспекте, так и у правоприменителей при квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Цель – провести комплексный теоретико-правовой анализ понятия, признаков и форм соучастия в преступлении, отдельных видов соучастников преступлений с учетом имеющейся правоприменительной практики.

Объект - общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления в соучастии.

Предмет - нормы действующего уголовного закона, закрепляющие уголовную ответственность за соучастие, а также доктринальные исследования ученых, посвященные институту соучастия в преступлении и материалы правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- определить понятие и правовую природу соучастия в преступлении и его признаки;
- рассмотреть виды и формы соучастия;
- провести классификационный анализ форм соучастия;
- исследовать исполнителя, его понятие и роль в соучастии в преступлении;
- охарактеризовать таких соучастников преступления, как подстрекателя, организатора и пособника;

- выявить проблемы, возникающие при квалификации преступлений, совершенных в соучастии и наметить пути их решения.

Современный период доктринального развития института соучастия также характеризуется достаточно активными исследованиями. В настоящее время институт соучастия в преступлении является предметом многих диссертационных и монографических работ, научных статей. При написании настоящей выпускной квалификационной работы были проанализированы труды следующих современных ученых, оказавших наибольшую помощь при разработке темы: А.А. Арутюнова, Д.А. Безборода, М.И. Ковалева, Ю.А. Клименко, Г.П. Новоселова, А.Н. Петрушенкова, А.И. Чучаева, С.А. Шатова, А.В. Шеслера и др.

Выпускная квалификационная работа структурирована в соответствии с поставленными целью и задачами исследования и включает: введение, три главы, пять параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Общие положения о соучастии в уголовном праве	10
1.1 Понятие соучастия в преступлении, его признаки	10
1.2 Виды и формы соучастия	19
1.3 Классификация форм соучастия	24
Глава 2 Виды соучастников преступления	36
2.1 Исполнитель: понятие и роли	36
2.2 Подстрекатель, организатор и пособник: понятие и роли	42
Глава 3 Проблемные аспекты квалификации преступлений при соучастии и пути их решения	55
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	71

Введение

Актуальность исследования.

Одним из дискуссионных институтов современного уголовного права является институт соучастия в преступлении, что объясняется стабильно высоким уровнем групповой преступности. Так, по официальным данным Министерства внутренних дел РФ, в 2018 году было зарегистрировано 98821 преступление, совершенные в группе, удельный вес которых от общего количества расследованных преступлений составил (9,1 % от всех расследованных преступлений), в 2019 году - 95480 преступлений (9,1 % от всех расследованных преступлений), в 2020 года – 108 918 преступлений (12,8 % от всех расследованных преступлений), в 2021 году – 104 828 преступлений (12,4 % от всех расследованных преступлений), в 2022 году – 101 686 преступлений (12,4 % от всех расследованных преступлений), а за 3 месяца 2023 года – 23 689 преступлений (11,9 % от всех расследованных преступлений) [105].

Из приведенных данных следует, что за последние пять лет наблюдается незначительный спад преступлений, совершенных группой лиц. В тоже время, увеличился удельный вес групповых преступлений от общего количества расследованных преступлений с 9.1 % до 12,4 %.

Особая тревога, связанная с ростом преступлений, совершенных в соучастии, обусловлена тем, что такие преступления имеют высокую общественную опасность, так как в составе группы совершаются насильственные, корыстные преступления, а также преступления, направленные против общественной безопасности, безопасности государства, основ конституционного строя и другие тяжкие и особо тяжкие преступления.

При этом, несмотря на то, что институт соучастия формально закреплён в нормах действующего уголовного закона, возникает множество вопросов как в научно-теоретическом аспекте, так и у правоприменителей при квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Так, в научно-теоретическом аспекте институт соучастия по сей день является одним из дискуссионных в доктрине уголовного права. Относительно правовой природы соучастия в науке уголовного права сложилось две концепции, что не всегда позволяет однозначно подойти к решению вопроса об ответственности соучастников.

Много споров, как в доктрине, так и в правоприменительной практике вызывают признаки соучастия, и в частности, такой количественный признак, как участие двух или более лиц, одним из которых является лицо, не подлежащее уголовной ответственности. По данному вопросу в науке обсуждается вопрос о дополнении действующего уголовного закона понятием неосторожного сопричинения вреда.

Центральное место во всей проблематике института соучастия занимают вопросы форм и видов соучастия. Отсутствие легальных определений формы и вида соучастия порождает многочисленные споры среди ученых и ошибки при квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Кроме того, проблемы возникают и при разграничении между собой различных форм соучастия, их классификация.

Много споров, как в доктрине, так и в правоприменительной практике вызывают и отдельные виды и формы соучастия. По сей день внимание ученых привлекает законодательная конструкция исполнителя, которую сложно признать совершенной. Сложности возникают и при отграничении организатора от роли подстрекателя и пособника. На практике встречаются случаи ошибочной квалификации действий организатора только как пособника или подстрекателя или подстрекателя признают организатором.

Особой повышенной опасностью обладает такой вид соучастия, как подстрекательство, являющееся одним из криминогенных факторов многих видов преступлений, в том числе вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, склонения к совершению преступлений коррупционного, террористического и экстремистского характера. Однако на практике выявление фактов подстрекательства зачастую осложняется его

латентностью и несовершенством уголовного законодательства, что приводит к ошибкам при квалификации действий подстрекателя.

Нельзя признать решенным в доктрине вопрос о правовой природе подстрекательства, что осложняет его отграничение на практике от иных видов соучастия. Много вопросов возникает при квалификации подстрекательства и установлении его признаков. Отсутствует однозначно признанный момент начала подстрекательства: с момента совершения действий, направленных на склонение другого лица к совершению преступления или с момента возникновения умысла на совершение данных подстрекательских действий. Кроме того, в доктрине обсуждается вопрос о возможности совершения подстрекательства путем бездействия.

Акцессорная теория ответственности соучастников преступления применительно к подстрекателям ставит вопрос об их ответственности подстрекателя, который в отличие от исполнителя выполнил все необходимые для его роли в преступной деятельности действия. Отсутствие правового регулирования данного вопроса приводит к тому, что на практике в одних случаях суды признают в действиях подстрекателя состав преступления, а в других случаях не усматривают соучастия при добровольном отказе исполнителя от совершения преступления.

Не является единообразной и практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Одни и те же ситуации получают диаметрально противоположную правовую оценку в судах, что недопустимо с точки зрения государственно-правового регулирования. Призванные разъяснить положения действующего закона и задать правильный вектор развития практики постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации не всегда освещают спорные вопросы, возникающие в правоприменительной деятельности, а иногда даже порождают их.

Таким образом, все выше изложенное обуславливает актуальность и насущность исследования темы настоящей выпускной квалификационной работы.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления в соучастии.

Предметом исследования являются нормы действующего уголовного закона, закрепляющие уголовную ответственность за соучастие, а также доктринальные исследования ученых, посвященные институту соучастия в преступлении и материалы правоприменительной практики.

Цель выпускной квалификационной работы – провести комплексный теоретико-правовой анализ понятия, признаков и форм соучастия в преступлении, отдельных видов соучастников преступлений с учетом имеющейся правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- определить понятие и правовую природу соучастия в преступлении и его признаки;
- рассмотреть виды и формы соучастия;
- провести классификационный анализ форм соучастия;
- исследовать исполнителя, его понятие и роль в соучастии в преступлении;
- охарактеризовать таких соучастников преступления, как подстрекателя, организатора и пособника;
- выявить проблемы, возникающие при квалификации преступлений, совершенных в соучастии и наметить пути их решения.

Теоретическая база исследования. Историография института соучастия своими корнями уходит в начало XIX века. Первые научно-теоретические изыскания принадлежат таким ученым дореволюционного периода, как О. Горегляд [28], П.Д. Лодию [55], А.О. Жиряеву [39], Н.С. Таганцеву [106], Э.Я. Немировскому [63] и др., труды которых послужили фундаментом для дальнейших исследований института соучастия советскими учеными. Среди ученых советского периода можно назвать: С.В. Познышева [76], А.Н. Трайнина [110], П.И. Гришаева [29], Г.А. Кригера [30], П.Ф. Тельнова

[107], М.А. Шнейдера [122], М.И. Ковалева [49], В.Ф. Караулова [43], Л.Д. Ермаковой [34] и др.

Современный период доктринального развития института соучастия также характеризуется достаточно активными исследованиями. В настоящее время институт соучастия в преступлении является предметом многих диссертационных и монографических работ, научных статей. При написании настоящей выпускной квалификационной работы были проанализированы труды следующих современных ученых, оказавших наибольшую помощь при разработке темы: А.А. Арутюнова, Д.А. Безборода, М.И. Ковалева, Ю.А. Клименко, Г.П. Новоселова, А.Н. Петрушенкова, А.И. Чучаева, С.А. Шатова, А.В. Шеслера и др.

Методологическую основу настоящего исследования составили такие методы, как методы научного познания, диалектический метод, метод объективного и всестороннего анализа, системный метод исследования, формально-логические методы.

Нормативно-правовой базой исследования являются: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и материалы правоприменительной практики по теме выпускной квалификационной работы.

Выпускная квалификационная работа структурирована в соответствии с поставленными целью и задачами исследования и включает: введение, три главы, пять параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общие положения о соучастии в уголовном праве

1.1 Понятие соучастия в преступлении, его признаки

Основная функция института соучастия в преступлении как уголовно-правового института заключается в обосновании уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие в совершении преступления [113, с. 464], и в определении круга деяний, «не предусмотренных нормами Особенной части Уголовного кодекса, но, тем не менее, являющихся общественно опасными и требующими борьбы с ними мерами уголовно-правовой репрессии» [54, с. 583].

Институту соучастия в преступлении в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [114] посвящена отдельная глава 7. В ст. 32 УК РФ законодатель сформулировал понятие соучастия в соответствии с которой «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления».

Однако несмотря на законодательно определенное понятие соучастия в преступлении, определенные сложности связаны с правовой природой данного уголовно-правового института. Такие сложности связаны с тем, что соучастие в преступлении является одновременно институтом Общей и Особенной частей УК РФ. При этом, в Особенной части УК РФ соучастие представлено посредством самостоятельных составов преступлений [102, с. 59].

В доктрине уголовного права выработано две теории, обосновывающие правовую природу соучастия в преступлении:

- акцессорная теория;
- теория самостоятельной, независимой от других соучастников ответственности.

Основоположниками акцессорной теории соучастия в преступлении являются дореволюционные юристы - Н.С. Таганцев, А. Жиряев, А.А. Кистяковский. Данные ученые исходили из толкования слова «акцессорный», которое означало «несамостоятельность, зависимость одного явления от другого» [102, с. 61]. Под соучастием предлагалось понимать совместное умышленное участие двух или более лиц по соглашению между ними, в совершении умышленного преступления не только виновником, но и совиновником, т.е. вкладчиком в единую вину [123, с. 13].

Согласно рассматриваемой теории главной фигурой соучастия признается исполнитель, так как именно от его деятельности зависит деятельность других соучастников. Поэтому, к примеру, М.И. Ковалев считал, что если нет исполнителя, то и нет соучастия [49, с. 98-99]. Именно в этом и состоит слабость акцессорной теории, т.е. зависимость ответственности соучастников от привлечения к ответственности исполнителя, который по какой-либо причине мог уйти от ответственности.

Однако Н.С. Таганцев говорил об акцессорности применительно к пособничеству, утверждая бессмысленность ответственности пособников при отсутствии деяния исполнителя [106, с. 61].

Ю.А. Клименко считает возможным применить теорию акцессорности к подстрекательству, пособничеству и организаторству [47, с. 139].

В нормах действующего УК РФ можно найти признаки акцессорной природы соучастия. В качестве примера можно назвать ответственность соучастников за неоконченное преступление (п. 5 ст. 34 УК РФ).

Теория самостоятельной, независимой от других соучастников ответственности предполагает, что «соучастие является самостоятельной формой преступной деятельности, при которой ответственность соучастников должна строиться на тех же принципах, что и личная ответственность отдельного виновника» [115, с. 15].

По мнению А.Н. Трайнина, соучастники преступления должны нести ответственность только за действия, которые они сами непосредственно совершили, но не за действия исполнителя [110, с. 172-173].

А. Бриллиантов считает, что «основанием ответственности соучастников преступления, которые сами непосредственно не выполняют действия, направленные на совершение преступления, является не абсолютно самостоятельное деяние» [20, с. 28-29].

Признаки самостоятельной ответственности соучастников можно найти в п. 1 ст. 34 УК РФ, согласно которой «ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления». В ст. 36 УК РФ закреплён эксцесс исполнителя, предполагающий, что за него не несут ответственность другие соучастники преступления.

В науке уголовного права обозначилась третья позиция ученых, которые отвергают обе рассмотренные теории правовой природы института соучастия в преступлении. Так, С.И. Познышев, обозначив слабые стороны существующих теорий, писал, что «только представляя свою деятельность, субъект может предвидеть, что эта совокупная деятельность составит или причинит преступление» [76, с. 376-377].

Смешанной теории правовой природы соучастия придерживается А.А. Арутюнов, считая, что «ответственность соучастников не всегда зависит от ответственности исполнителя и в ряде случаев носит самостоятельный характер» [15, с. 42]. В целом же, под институтом соучастия ученый предлагает понимать «систему избирательно вовлеченных, уверенных в существовании друг друга соучастников, взаимодействующих для реализации своих целей как групповых и выступающих для достижения общего преступного результата как определенная целостность» [15, с. 56].

Ю.А. Клименко признает акцессорную теории и теорию самостоятельной ответственности соучастников идеальными моделями,

которые позволяют сконструировать институт соучастия в преступлении [47, с. 144].

Смешанной теории института соучастия придерживается и А.Р. Салимгареева [102, с. 67].

Действующее уголовное законодательства также придерживается двойственной природы соучастия, признавая с одной стороны самостоятельную природу оснований ответственности соучастников, а с другой, их акцессорную природу.

Таким образом, в действующем УК РФ институт соучастия в преступлении сконструирован как комбинированный институт, включающий как элементы зависимости ответственности соучастников преступлений от ответственности исполнителя, так и элементы самостоятельности их ответственности. Поэтому, правильно признать, что институт соучастия в преступления – это самостоятельный институт уголовного права, закрепленный в нормах Общей и Особенностей частей УК РФ и имеющий многоаспектный характер, выражающийся в одних случаях в акцессорной природе ответственности соучастников преступления, в других – в самостоятельной ответственности соучастников преступления.

Соучастие в преступлении характеризуется рядом признаков, вытекающих из его легального определения, сформулированного в ст. 32 УК РФ.

Однако в доктрине нет единства мнений относительно выделения конкретных признаков соучастия в преступлении.

Так, П.И. Гришаев и Г.А. Кригер в качестве признаков соучастия выделяли: два и более лица; совместность; причинную связь между действиями каждого соучастника и преступным результатом, либо фактом совершения преступления; прямой или косвенный умысел у каждого соучастника преступления [31, с. 12].

М.А. Шнейдер, обобщив ранее высказанные позиции по поводу признаков соучастия, предложил в качестве таковых выделять: совместность

действий; причинную связь; прямой или косвенный умысел; взаимную осведомленность каждого соучастника о совместном преступном характере действий всех соучастников преступления; согласованность действий соучастников; сговор между соучастниками, т.е. предварительное соглашение о совершении преступления [122, с. 7-23].

В целом соглашаясь с обозначенными М.А. Шнейдером признаками, дискуссионность вызывает признак сговора на совершение преступления в соучастии, который, по мнению П.И. Гришаева, сужает объем соучастия, так как, к примеру, подстрекатель или пособник могут знать только о преступном характере действий, но могут не знать друг о друге [31, с. 44].

Л.С. Белогриц-Котляревский полагал, что соглашение между соучастниками представляет не что иное, как единение воли, предполагающее формирование «однородного намерения, направленного на совместное совершение одного или нескольких преступлений» [цит. по: 49, с. 13].

Ю.А. Клименко обращает внимание на то, что единение воли является проявлением умысла соучастников, кроме того, для совершения преступления в соучастии не обязательным является сговор между всеми соучастниками, а достаточно хотя бы между двумя [48, с. 13].

В настоящее время в науке уголовного права признаки соучастия разделяют на объективные и субъективные.

К объективным признакам соучастия относятся:

- в преступлении участвуют несколько лиц;
- преступление совершается совместно.

Субъективными признаками соучастия являются:

- единство умысла соучастников преступления;
- совместное участие в умышленном преступлении [119, с. 9].

Далее следует более подробно рассмотреть каждый из указанных признаков соучастия в преступлении.

Первый объективный признак участия нескольких лиц отражает количественную сторону соучастия в преступлении [119, с. 9].

Еще в свое время П.Ф. Тельнов относительно данного количественного признака соучастия в преступлении обращал внимание на то, что наличие двух и более соучастников является необходимым условием для совершения группового преступления. При этом данные участники должны обладать признаками субъекта преступления [107, с. 24].

Признаки субъекта уголовной ответственности изложены в ст. 19 УК РФ, согласно которой таковым является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом.

Однако, уголовный закон прямо не решает вопрос относительно квалификации соучастия, когда один из соучастников не является субъектом уголовно-правовой ответственности. Суды данный вопрос решают по-разному.

Так, в одних случаях, суды вменяют групповой квалифицирующий признак в вину единственному субъекту преступления [70], ссылаясь на то, что преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости [66].

Однако в некоторых случаях Верховный Суд РФ прямо указано на то, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения (п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [78]). Такое же правило сформулировано и в других постановлениях Верховного Суда РФ (см., например, п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной

практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – Постановление от 27.12.2002 г. № 29) [85].

Можно привести также следующий пример из судебной практики. В постановлении об отказе в удовлетворении ходатайства представителя потерпевшей о возвращении уголовного дела прокурору суд первой инстанции необоснованно сослался на положение п. 12 Постановления от 27.12.2002 г. № 29, которое не могло быть принято во внимание, поскольку абзац 1 указанного пункта об обязательности соблюдения критериев ч. 1 ст. 19 УК РФ исключен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г. № 31.

Приведенное указание о том, что если лицо совершило разбой посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости, то его действия при отсутствии иных квалифицирующих признаков следует квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ, не подлежало применению по данному делу, поскольку суд установил иные обстоятельства дела о том, что Т. и второе лицо участвовали в совершении деяния совместно как соисполнители. То, что Т. является невменяемым лицом, не подлежащим уголовной ответственности, не влияет на оценку его деяния, совершенного с другим лицом, когда их умыслом охватывались действия, совершаемые по предложению второго лица, по сговору с ним и совместно.

Поэтому суд согласился с автором апелляционной жалобы, который указал на то, что установление факта невменяемости Т. и освобождение его от уголовной ответственности не исключает возможности совершения им деяния в соучастии и квалификации по признаку «группой лиц по предварительному сговору» [11].

Следующим объективным признаком соучастия в преступлении является такой качественный признак, как совместность деяния. В науке уголовного права данный признак не имеет однообразного понимания.

А.В. Шеслер и С.С. Шеслер в совместности совершения преступления выделяют объективную и субъективную стороны. С объективной стороны

совместность совершения преступления представляет собой причинение единого преступного результата посредством общности деяний соучастников и причинную связь между ними. С субъективной стороны совместность представляет собой совместность умысла участников, т.е. осознание каждым участником взаимной обусловленности деяний и предвидение единого преступного результата, и осознание причинной связи между общностью деяния и единым результатом [120] [121].

Следует согласиться с тем, что признак совместности как качественный признак соучастия означает следующее.

Во-первых, совместность деяния представляет собой совокупность действий всех соучастников преступления.

Во-вторых, совместные действия соучастников и наступивший в результате этих действия преступный результат находятся в причинно-следственной связи.

Так, как было установлено в ходе судебного разбирательства подсудимые А.Е., Л.А.А. и П. являлись соисполнителями убийства А.А.Г., поскольку ими, каждым в отдельности, совершались действия, направленные на лишение жизни потерпевшего; так, первоначально А.Е. производила удушение подушкой, лежащего на диване А.А.Г., сидя на нем сверху, и закрывая ему дыхательные пути, а также удерживая его руки своими ногами от возможного сопротивления, затем Л.А.А. присоединился к указанным действиям, помогая А.Е. силой рук производить удушение подушкой потерпевшего, кроме того, нанес последнему несколько ударов кулаком в область головы и лица; затем П. нанес А.А.Г. несколько ударов кулаком в область шеи (гортани и кадыка). При этом в процессе совершения вышеуказанных действий подсудимыми между ними не было предварительной договоренности на совершение данных действий. В результате указанных совместных насильственных действий со стороны А.Е., Л.А.А. и П. в отношении А.А.Г., которые взаимно дополняли друг друга, смерть последнего наступила на месте преступления вследствие сочетанной

травмы лица при закрытии дыхательного отверстия рта, носа и шеи при ударно-сдавливающих воздействиях, осложнившейся развитием механической асфиксии и острой гипоксии головного мозга.

Таким образом, наличие прямого умысла у подсудимых А.Е., Л.А.А., П. на совершение убийства А.А.Г. подтверждается, в том числе: способом совершенного преступления, объемом примененного насилия, механизмом травматизации и локализации телесных повреждений, а также наличием прямой причинно-следственной связи между причиненными повреждениями потерпевшему и наступлением его смерти на месте преступления [95].

В-третьих, наличие причинно-следственной связи позволяет отграничить соучастия от прикосновенности к преступлению. При прикосновенности к преступлению «налицо самостоятельные проявления (типы) общественно опасного поведения лиц, которые развиваются в связи с готовящимся, совершаемым или оконченным другим лицом преступлением, но не содействующие ему ни физически, ни интеллектуально» [26, с. 35].

Признак единства умысла соучастников преступления является субъективным признаком соучастия в преступлении и означает, что все соучастники действуют с общим умыслом, с едиными преступными целями и осознают факт участия в совершении группового преступления.

Следует обратить внимание на то, что обозначенный признак соучастия позволяет решить проблемы разграничения подстрекательства и провокации, что более подробно будет рассмотрено в следующей части настоящей выпускной квалификационной работе.

Обязательным признаком соучастия, относящимся к числу субъективных, является совершение умышленного преступления. Однако, в некоторых нормах Особенной части УК РФ допускается возможность совершения неосторожного преступления в соучастии (ч.ч. 2,3 ст. 234.1, ч.ч. 3 и 4 ст. 263.1 УК РФ), что противоречит законодательному определению соучастия [74, с. 61].

Таким образом, признаками соучастия в преступлении являются объективные (участие нескольких лиц в совершении преступления; совместность участия двух или более лиц в совершении преступления) и субъективные признаки (единство умысла соучастников преступления; совместное участие только в умышленном преступлении).

1.2 Виды и формы соучастия

Познать сущность и природу соучастия, характер общественной опасности отдельных ее проявлений, определить объем ответственности виновных, совершивших преступление в соучастии, и правильно квалифицировать их действия позволяет определение форм и видов соучастия [25, с. 36]. Именно посредством данных категорий ученые осуществляют классификацию соучастия. Однако формы и виды соучастия являются одной из сложных проблем учения о соучастии, имеющей запутанный и противоречивый характер, что негативно отражается на правоприменительной практике.

Неоднозначно вопрос о формах и видах соучастия решался, еще в дореволюционный период развития науки уголовного права. Несмотря на обстоятельность изучения обозначенной проблемы представителями советской науки уголовного права, ученые также не пришли к единому решению. Не теряет своей актуальности проблема форм и видов соучастия в современной доктрине уголовного права. Зачастую можно встретить, когда в одних учебных пособиях говорится о формах соучастия, а в других - такое же содержание именуется видами соучастия [113, с. 592].

Причиной многочисленных споров относительно форм и видов соучастия является отсутствие их легальных определений. Действующий уголовный закон вообще не апеллирует такими категориями, как «вид» и «форма» применительно к соучастию.

Чтобы разобраться в обозначенной проблеме, необходимо обратиться к рассмотрению таких дефиниций, как «вид» и «форма».

Категорию «вид» можно определить в логическом и философском значении. Так, в логике «вид» означает понятие, которое подчиненно такому более общему понятию, как «род». При этом, «вид» является промежуточной категорией между «родом» и индивидуальными понятиями и имеет постоянное содержание. В философии вид признается сущностью любой вещи, т.е. то, что и образует сущность этой вещи. Взаимосвязь вещи, формы и вида объяснил Фома Аквинский, указав на то, что вещи имеют различные формы, от которых получают виды [49, с.76].

Этимологически слово «форма» имеет несколько значений:

- внешнее очертание, вид предмета;
- вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-либо, обусловленное определенным содержанием;
- внешний вид, видимость;
- установленный образец чего-либо и др. [69, с. 599].

Представляется, что применительно к соучастию форму правильно определить, как внешнее выражение ее содержания, т.е. способ существования содержания. Именно взаимоотношение содержания и формы является основой для деления.

Следует обратить внимание на то, что в советской доктрине деление соучастия на виды и формы осуществлялось в зависимости от объективной и субъективной связи между соучастниками соответственно.

Не отличается единством мнений и современная наука уголовного права.

К примеру, по мнению Н.В. Ермаковой «разделение соучастия на виды происходит с учетом характера поведения соучастников преступления». Деление же на формы осуществляется в зависимости от степени согласованности поведения соучастников [35, с. 67]. Такой же позиции придерживается Т.Б. Басова, связывая виды соучастия с характером функций,

выполняемых соучастниками, а формы – со степенью согласованностью их действий [112, с. 412].

Такого же мнения придерживается В.В. Соболев, обозначая видами соучастия виды соучастников в соответствии со ст. 33 УК РФ, а формами соучастия – формы соучастия, закрепленные в ст. 35 УК РФ [104, с. 7-8]. Данный автор, классифицируя соучастие на отдельные формы и виды в зависимости от характера общественной опасности, в качестве критерия называет роли соучастников. Кроме того, виды соучастия частично совпадают с видами соучастников. Так, к видам соучастия В.В. Соболев относит исполнительские функции, организаторские, подстрекательские действия и пособничество [104, с. 8].

В.В. Мальцев и О.В. Заярная также считают, что единым основанием деления соучастия на формы, является группа лиц, охватываемая содержанием ст. 35 УК РФ [57, с. 33; 41, с. 12]. А деление соучастие на виды О.В. Заярная связывает с определением оснований ответственности соучастников преступления и индивидуализацией их ответственности [40, с. 12].

В тоже время, О.В. Заярная, в качестве классификационного критерия форм соучастия называет социально-психологический критерий, т.е. степень согласованности действий соучастников, что непосредственно вытекает из ст. 35 УК РФ. Деятельность различных соучастников преступления лежит в основе разделения соучастия на виды, т.е. по выполнению каждым из них объективной стороны конкретного состава преступления [40, с. 14].

Однако, Ю.А. Клименко не согласен с тем, что при делении соучастия на виду некоторые ученые отождествляют с видами соучастников. В частности, ученый против такой позиции приводит следующие несколько аргументов:

- классификации соучастия на формы и виды и соучастников на виды имеют различные цели. В первом случае, целью является уголовно-правовая оценка преступления, совершенного в соучастии. Классификация соучастников преступления осуществляется с целью

оценить роль конкретного соучастника в совершенном преступлении. Иными словами, форма и вид соучастия позволяют определить место отдельного преступления в системе преступлений Особенной части УК РФ. Разделение соучастников направлено на определение места конкретного лица в совершенном преступлении. В целом же, смешение видов соучастия с видами соучастников порождает терминологическую путаницу [46, с. 161];

- отождествление видов соучастия с видами соучастников препятствует разграничению групповых преступных форм соучастия друг от друга, так как виды соучастников не позволяют отличить формы соучастия [46, с. 161].

С.В. Петров признает вид соучастия теоретической категорией, самостоятельно не существующая. Форма соучастия в понимании С.В. Петрова – совокупность отдельных признаков, позволяющих соучастию реально существовать [73, с. 80]. Видами соучастия ученый признает простое, сложное и соучастие особого рода. Простое соучастие - это соучастие без распределения ролей, сложное – с распределением ролей, а соучастие особого рода – преступное сообщество, предусмотренное Общей и Особенной частями УК РФ [73, с. 80]. Однако преступное сообщество ученый одновременно признает и видом и формой соучастия, с чем нельзя согласиться.

Исходя из выше сказанного относительно соотношения содержания и формы, правильнее признать, что деление на формы соучастия должно осуществляться в зависимости от различного характера деятельности соучастников [49, с. 76]. А различие в характере субъективной связи позволяет делить соучастие на виды. В данном случае речь идет о соотношении содержания и формы. В качестве содержания как раз и выступает вид соучастия, определяющий психическую сторону общественно-опасного действия отдельного соучастника преступления. Внешней стороной соучастия является его форма.

В доктрине дискутируется вопрос об использовании вообще терминов «форма» и «вид» применительно к соучастию. По мнению одних ученых правильно было бы использовать только «вид соучастия», так как «форма» не может применяться целому классу явлений, объединенных по общему признаку [124, с. 27].

Однако, С.М Кочои, признает формой соучастия внешнее выражение совместных усилий соучастников преступления. Соответственно основой деления соучастия на формы ученый называет способ взаимодействия соучастников и степень согласованности и действий [53, с. 230]. В данном случае, как можно заметить, С.М. Кочои объединяет объективный и субъективный критерии деления соучастия только на формы, тем самым категорию «вид соучастия» включая в содержание категории «форма соучастия».

Ограничиваются делением соучастия только на формы и другие ученые [15, с. 260-261]; [28, с. 197-206].

Представляется, что деление соучастия только на формы за пределами внимания оставляет соучастие с распределением ролей, которое может быть, как самостоятельной конструкцией соучастия, так и особой характеристикой разделения ролей в рамках организованных групп или преступных сообществ. Кроме того, по мнению, Ю.А. Клименко, категории «форма» и «вид» дополняют друг друга, полнее раскрывая институт соучастия [46, с. 158]. При этом, ученый обращает внимание на то, что в основе деления явления на формы лежат его наиболее существенные свойства. Деление на виды правильно осуществлять внутри отдельных форм [46, с. 160]. Поэтому соучастие с выполнением различных ролей, представляющая собой самостоятельную конструкцию соучастия, целесообразно признать формой соучастия. Соучастие с распределением ролей, как особая характеристика разделения ролей в рамках организованных групп или преступных сообществ – это вид соучастия внутри определенной формы соучастия [46 с. 160].

При этом, виды соучастия, объединенные одной формой, обладают общими и отличительными признаками. Общие признаки отражены в понятии соответствующей формы соучастия, а отличительные признаки дифференцируют конкретный вид соучастия.

В целом можно выделить следующее значение форм соучастия:

- позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от уровня общественной опасности. Примером являются усеченные (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ) и квалифицированные составы преступлений;
- учитываются правоприменителем при квалификации преступления.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что форма является способом выражения юридического содержания деятельности, образующий объективный критерий классификации соучастия. Вид представляется собой структурную единицу формы, отражающий ее внутреннее содержание и образующий субъективный критерий деления соучастия.

1.3 Классификация форм соучастия

Дискуссионным в доктрине является вопрос и о классификации форм соучастия на отдельные виды. Прежде всего, много разногласий касается вопроса о критериях классификации.

Ученые предлагают следующие критерии классификации соучастия на формы:

- степень сплоченности соучастников преступления [31, с. 56];
- характер деятельности соучастников преступления [117, с. 97];
- индивидуальная роль каждого соучастника преступления [56, с. 8-9];
- характер существующей субъективной связи между соучастниками преступления;
- конструкция состава преступления [21, с. 92].

Все обозначенные выше критерии классификации форм соучастия можно разделить на объективные, субъективные и смешанные критерии. При

этом все существующие в доктрине критерии классификации не имеют единого основания, являющегося необходимым в любой научной классификации.

Например, Л.Д. Гаухман формы соучастия дифференцирует по характеру объединения и способу взаимодействия между соучастниками преступления, на:

- простое соучастие;
- сложное соучастие;
- организованная группа;
- преступное сообщество [27, с. 197].

Р.Р. Галиакбаров в зависимости от характера участия в преступлении, выделяет следующие формы соучастия:

- сложное соучастие;
- соисполнительство;
- преступная группа;
- преступное сообщество [26, с. 33].

В зависимости от характера совместной деятельности Н. Иванов выделяет такие формы соучастия, как:

- сложное соучастие;
- групповое соучастие;
- организованные формы соучастия [41, с. 46].

С. Балеев, также выделяет сложное, групповое и организованное соучастие в зависимости от степени общественной опасности совместной преступной деятельности [16, с. 9].

С.А. Шатов предлагает за основу классификации форм соучастия взять способ воздействия соучастников на объект уголовно-правовой охраны. По данному основанию ученый выделяет две формы соучастия: простое и сложное [118, с. 87].

Ю.А. Клименко в основу дифференциации соучастия на формы кладет критерий внутренних связей, свойственный преступным объединениям и

особенности уголовно-правовой оценки содеянного соучастниками преступления и уровня общественной опасности. В частности, ученый выделяет следующие формы соучастия:

- «соучастие с распределением ролей;
- группа лиц;
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа;
- преступное сообщество (преступная организация)» [46, с. 163].

Как уже отмечалось в предыдущей части настоящей работы, виды соучастия, объединенные одной формой обладают общими и отличительными признаками. Общие признаки отражены в понятии соответствующей формы соучастия, а отличительные признаки дифференцируют конкретный вид соучастия.

Законодатель выделяет в ст. 35 УК РФ формы соучастия в зависимости от характера и степени согласованности поведения соучастников преступления и называет только четыре формы соучастия:

- группу лиц;
- группу лиц по предварительному сговору;
- организованную группу;
- преступное сообщество (ст. 35 УК РФ).

В связи с чем, не вступая в полемику относительно существования тех или иных форм соучастия, не предусмотренных в УК РФ, в настоящей части выпускной квалификационной работы будут исследованы закрепленные уголовным законом формы соучастия.

Итак, прежде всего, это группа лиц и группа лиц по предварительному сговору (части 1 и 2 ст. 35 УК РФ). Данные формы соучастия различаются по времени возникновения сговора о совершении преступления между соучастниками и составом соучастников: предварительно или во время совершения преступления.

Кроме того, в состав группы лиц входят только исполнители, что следует из ч. 1 ст. 35 УК РФ. Однако в доктрине возникает вопрос о возможности распределения ролей между исполнителями в данной группе лиц. По мнению одних ученых - может. К примеру, А.П. Козлов, ссылаясь на судебную практику, считает, что в группе лиц без предварительного сговора возможно распределение ролей [50, с. 234-235]. А. Турухин полагает, что выражение, сформулированное законодателем как «определенной группы лиц без предварительного сговора» является не совсем удачным, так как пособников и руководителей группы может быть несколько [111, с. 88]. С таким же мнением согласен и А.А. Арутюнов, предлагая внести соответствующие изменения в действующую редакцию ч. 1 ст. 35 УК РФ и под группой лиц понимать «два или более лица, совместно участвовавшие в совершении преступления без предварительного сговора» [15, с. 306].

Однако, В.М. Быков считает, что распределение ролей в группе лиц не может быть [22, с. 19]. Данная позиция отражена также в судебной практике [44]

В группе лиц по предварительному сговору допускается распределение ролей, однако, если в непосредственном осуществлении объективной стороны преступления принимало участие не менее двух соисполнителей.

Так, суд исключил из обвинения Ю. квалифицирующий признак грабежа «группой лиц по предварительному сговору», мотивируя это тем, что пособником является лицо, которое содействует совершению преступления, в том числе предоставлением информации, а совершение преступления группой лиц по предварительному сговору может иметь место лишь при исполнительстве, то есть при непосредственном участии всех в выполнении объективной стороны преступления. Согласно установленным приговором суда в отношении Ю. обстоятельствам непосредственным исполнителем преступления явилось одно неустановленное лицо, а не группа лиц, как следует из приговора в отношении Н.В.ВА. и С. Действия Н.В.ВА. и С. по оказанию помощи в совершении хищения денежных средств, принадлежащих

ООО «М» и ИП Р, квалифицированы со ссылкой на ст. 33 УК РФ, связаны с действиями соучастника преступления Ю., который также признан судом пособником, а не соисполнителем хищения. При таких обстоятельствах состоявшийся в отношении Н.В.ВА. и С. приговор был признан несоответствующим требованиям уголовного закона [92].

Рассматривая такой признак группы лиц, как отсутствие предварительного сговора, не следует отрицать того факта, что между соучастниками все-таки присутствует соглашение, согласие на совершение конкретного преступления, которое по времени совпадает с осуществлением совместной преступной деятельности [15, с. 307]. Тогда как в группе лицо по предварительному сговору соглашение на совместную преступную деятельность и само осуществление объективной стороны преступления, разделены по времени.

В связи с чем, для признания в действиях лица квалифицирующего признака - совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, как это следует из положений ч. 2 ст. 35 УК РФ, необходимо выяснить, имел ли место до начала совершения преступления сговор между соисполнителями.

Организованная группа как форма соучастия характеризуется такими признаками, как устойчивость ее участников, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

Об устойчивости организованной группы свидетельствует объединение двух и более лиц на сравнительно продолжительное время для совершения нескольких преступлений либо одного, но сопряженного с длительной совместной подготовкой либо сложным исполнением. Организованность - это подчинение участников группы указаниям одного или нескольких лиц, и решимость таким образом достигать осуществления преступных намерений.

Так, в судебном заседании не было получено доказательств, подтверждающих создание и руководство Юнусовым А.А. организованной группой, распределение им обязанностей между другими соучастниками при

непосредственном совершении преступлений, распоряжение денежными средствами, имуществом и иными материальными ценностями, полученными в ходе совершенных преступлений.

Исходя из имеющихся в деле доказательств, нельзя было однозначно сделать вывод о том, что Султанов А.В., Стариков А.В., Хаджиев Р.Х. и Бадамшин Т.Р. совместно с Юнусовым А.А. участвовали в подготовке совершаемых преступлений, а получаемый ими преступный доход или часть его направляли на финансирование совместной деятельности. При совершении преступлений осужденные использовали те же транспортные средства и средства связи, что и в повседневной жизни.

О сомнениях в организованной деятельности осужденных свидетельствовало и то, что ни одно из преступлений не было совершено ими в одном и том же составе. Причем, как следовало из анализа телефонных переговоров, о совершении некоторых преступлений или действиях других соучастников осужденные нередко узнавали во время или после их совершения.

В связи с чем, Юнусов А.А. был признан невиновным и оправдан в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 209 УК РФ; Султанов А.В., Бадамшин Т.Р., Стариков А.В. и Хаджиев Р.Х. были признаны невиновными и оправданы в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ, в связи с отсутствием события преступления [3].

Важным признаком организованной группы выступает ее управляемость, т.е. наличие в группе определенной системы принятия решений, которая разделяется и признается всеми участниками [52, с. 270].

В ч. 4 ст. 35 УК РФ закреплена такая форма соучастия, как преступное сообщество. Основной вопрос, который возникает у ученых, это отличие преступного сообщества от организованной группы.

К примеру, Д.Л. Севостьянов считает, что «преступное сообщество по сравнению с преступной организацией имеет большую общественную

опасность» [103, с. 126]. Однако, В.М. Быков полагает более правильным в уголовном праве применять термин «преступная организация» [23, с. 18].

Судебная практика признает преступное сообщество более совершенной по сравнению с организованной группой формой организации преступной деятельности, которая отличается более высокой степенью сплоченности ее соучастников, гораздо более сложной внутренней структурой.

Из Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» (далее – Постановление № 12) [81] можно выделить следующие признаки преступного сообщества:

- преступное сообщество может быть создано водной из следующих форм: структурированная организованная группа или объединение организованных групп;
- цель преступного сообщества – совместное совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальных выгод;
- осознание участниками преступных сообществ целей функционирования данной организации и своей принадлежности к ней.

Например, как следовало из материалов уголовного дела, осужденные С., Р.В., И., А.Д., А.Л., Н., Т.А., Р.А. являлись рядовыми розничными «закладчиками» наркотических средств, привлекались фактически для совершения разовых операций по закладке наркотических средств.

Для совершения преступления они специально не подбирались, привлекались после того, как откликались на объявления в сети «Интернет». Какого-либо специального отбора не существовало. Не приведены в приговоре и данные о мерах воздействия на «закладчиков» в случае каких-либо нарушений дисциплины, а также чинимые им препятствия при желании прекратить преступную деятельность и меры воздействия за это. Не приведены доказательства преследования рядовыми закладчиками общих целей существования преступного сообщества и осознания своей

принадлежности к нему. Напротив, из приговора следует, что закладчики привлекались к совершению преступлений путем обещаний материального вознаграждения только им.

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что при отсутствии доказательств осознания указанных выше обстоятельств осуждение С., Р.В., И., А.Д., А.Л., Н., Т.А., Р.А. по ч. 2 ст. 210 УК РФ основано только на предположениях, вследствие чего уголовное дело в этой части подлежит прекращению ввиду отсутствия в действиях С., Р.В., И., А.Д., А.Л., Н., Т.А., Р.А. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ [45].

В другом примере, суд пришел к обоснованному выводу признав Б.В., Б.С., В.А., Г.А.Р., Г.А.В., Е., И.А., И.В., К.А., К.В., К.М., М.А., О.И., П.В.А., П.Д., П.В.Л., С.Е., С.М., Т.Д.С., Т.Е., Ф., Ч.Н.Н. и Ч.М. виновными в совершении тех преступлений, за которые они осуждены. Так, в ходе судебного разбирательства достоверно установлено, что неустановленное лицо, имеющее псевдоним, имея возможность организации поставок крупных партий наркотических средств синтетического происхождения, преследуя корыстную цель систематического извлечения прибыли от их незаконного сбыта, создало интернет-магазин, расположенный на Интернет-площадке. ФИО преобразовало ранее созданную организованную группу в преступное сообщество в виде структурированной организованной группы, члены которой объединены в целях длительного совместного совершения тяжких и особо тяжких преступлений для получения финансовой или иной материальной выгоды в виде преступных доходов от незаконного сбыта наркотических средств.

К осуществлению этой деятельности он привлек К.М. и Г.А.Р., в разное время являвшихся руководителями структурных подразделений преступного сообщества в городах. Параллельно в деятельность преступного сообщества были вовлечены В.А., Г.А.В., Е., И.В., К.А., О.И., Т.Е., Ч.Н.Н. и Ч.М. и иные лица, выполнявшие в соответствии с разработанной им схемой роли

«розничных закладчиков», «мелкооптовых закладчиков», «курьеров - оптовых закладчиков», функции которых подробно приведены в приговоре.

Кроме того, в преступном сообществе действовали подразделения оптовых курьеров закладчиков, а также подразделения по вовлечению в преступную деятельность новых участников, по регистрации «мобильных кошельков», по оформлению банковских карт и счетов, по перечислению денежных средств, полученных от сбыта наркотических средств, на счета с целью их дальнейшего вывода на аккумулирующие счета, которые использовались руководителями преступного сообщества, по обналичиванию части денежных средств от продажи наркотических средств и передаче их руководителям преступного сообщества, по распределению денежных средств по указанию руководителей преступного сообщества между структурными подразделениями, по выполнению и контролю иных операций и действий, направленных на бесперебойное финансовое обеспечение деятельности преступного сообщества и извлечение прибыли от совершаемых преступлений.

В результате указанных действий было создано преступное сообщество с четко выраженной иерархической структурой, отличавшееся устойчивостью, организованностью, сплоченностью, внутренней дисциплиной, детальным планированием совместной преступной деятельности, общей финансовой базой, материально-технической оснащенностью, а также межрегиональным характером деятельности, осуществлявшейся на территории Российской Федерации.

Кроме того, участниками преступного сообщества в деятельность, связанную с незаконным сбытом наркотических средств были вовлечены Б.В., П.Д., С.Е., И.А., Б.С., Ф., С.М., П.В.Л., П.В.А., Т.Д.С., М.А., К.В., которые, действуя вне структуры преступного сообщества, выполняли функции «розничных закладчиков» и получали денежное вознаграждение за каждый сделанный ими тайник с наркотическими средствами.

Суд обоснованно установил, что деятельность осужденных по незаконному обороту наркотических средств заведомо для них проистекала в составе организованной преступной группы и преступного сообщества, которым присущи все признаки указанных преступных формирований, в том числе их функционирование на основе разработанного плана и тщательной подготовки преступлений на территории нескольких субъектов Российской Федерации, стабильность состава, обусловленность преступного поведения ее членов единством умысла и четкостью действий - путем распределения ролей, установленными мерами конспирации [12].

В другом случае, для совершения действий, направленных на сбыт наркотических средств с целью получения прибыли, А.Р. совместно с ФИО163 создал на территории Санкт-Петербурга преступное сообщество, в которое входили два структурных подразделения. Одним из этих подразделений руководили С. и М.Э., в разное время в него были вовлечены ФИО117, Н.Е., ФИО55, П.Д., П.А.Ю., К.Е., М.А.А., Б.М., М.В., осуществлявшие сбыт героина на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской области и в г. Костроме, а другим руководили П.А.ИА. и М.А.Ю., членами которого являлись П.А.С., М.Д., М.И.ВА., М.К., Р.А.АА., К.С., З.А. и ФИО56, которые занимались сбытом наркотических средств в Белгороде, Воронеже, Вологде, Нижнем Новгороде и Тамбове.

В судебном заседании было установлено, что деятельность преступного сообщества, в которое входили указанные осужденные, была направлена на получение доходов от незаконного сбыта наркотического средства - героина, при этом действовали они по одной и той же разработанной схеме.

Как обоснованно указал суд, в ходе деятельности созданного А.Р. и ФИО163 преступного сообщества соблюдались меры конспирации, личные контакты были ограничены, связь между участниками сообщества поддерживалась по мобильным телефонам, сим-карты которых оформлялись на чужие анкетные данные и менялись с установленной периодичностью. Также в целях конспирации при общении между собой и лицами, незаконно

приобретавшими наркотические средства, участники ОПС представлялись вымышленными именами, использовали набор специальных условных шифрованных терминов - слов, скрывающих истинный смысл передаваемой информации, продавцы имели непосредственный контакт только с доставщиками и в основном не контактировали с руководством преступного сообщества.

Преступное сообщество функционировало в течение длительного периода времени и его деятельность была пресечена сотрудниками правоохранительных органов [5].

Таким образом, проведенный в первой главе анализ общих положений о соучастии в уголовном праве, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, институт соучастия в преступлениях – это самостоятельный институт уголовного права, закрепленный в нормах Общей и Особенностей частей УК РФ и имеющий многоаспектный характер, выражающийся в одних случаях в акцессорной природе ответственности соучастников преступления, в других – в самостоятельной ответственности соучастников преступления.

В настоящее время в науке уголовного права признаки соучастия разделяют на объективные и субъективные.

К объективным признакам соучастия относятся: в преступлении участвуют несколько лиц; преступление совершается совместно. Субъективными признаками соучастия являются: единство умысла соучастников преступления; совместное участие в умышленном преступлении. Признак единства умысла соучастников преступления является субъективным признаком соучастия в преступлении и означает, что все соучастники действуют с общим умыслом, с едиными преступными целями и осознают факт участия в совершении группового преступления. Обозначенный признак соучастия позволяет решить проблемы разграничения подстрекательства и провокации.

Во-вторых, деление на формы соучастия должно осуществляться в зависимости от различного характера деятельности соучастников. А различие

в характере субъективной связи позволяется делить соучастие на виды. В данном случае речь идет о соотношении содержания и формы. В качестве содержания как раз и выступает вид соучастия, определяющий психическую сторону общественно-опасного действия отдельного соучастника преступления. Внешней стороной соучастия является его форма. Виды соучастия, объединенные одной формой, обладают общими и отличительными признаками. Общие признаки отражены в понятии соответствующей формы соучастия, а отличительные признаки дифференцируют конкретный вид соучастия. В целом, форма является способом выражения юридического содержания деятельности, образующий объективный критерий классификации соучастия. Вид представляется собой структурную единицу формы, отражающий ее внутреннее содержание и образующий субъективный критерий деления соучастия.

В-третьих, законодатель выделяет в ст. 35 УК РФ формы соучастия в зависимости от характера и степени согласованности поведения соучастников преступления и называет только четыре формы соучастия: группу лиц; группу лиц по предварительному сговору; организованную группу; преступное сообщество. В состав группы лиц входят только исполнители. В группе лиц по предварительному сговору допускается распределение ролей, однако, если в непосредственном осуществлении объективной стороны преступления принимало участие не менее двух соисполнителей.

Глава 2 Виды соучастников преступления

2.1 Исполнитель: понятие и роли

В ст. 33 УК РФ к соучастникам относятся: организатор, исполнитель, подстрекатель и пособник. Данное разделение соучастников на отдельные виды произведено с учетом их объективной роли в совершении преступления [75, с. 21], т.е. «по разнице поведения», как это в свое время делал П.П. Пусторослев, разделяя «на виновников (совиновников), пособников и подстрекателей» [100, с. 434].

Прежде чем приступить к непосредственному исследованию видов соучастников преступлений, необходимо определиться с тем, кого под таковыми понимают. Уголовный закон не сформулировал нормативную дефиницию соучастника преступлений. В связи с чем, данное понятие является научно-теоретической категорией. Можно привести следующие существующие в науке уголовного права определения соучастника преступления:

- лицо, обладающее всеми признаками соучастия [101, с. 80];
- лицо, вступившее в сговор с другим лицом/лицами совершить преступление, исполнив в объеме сговора отведенную ему роль в совершении преступления [25];
- лицо, обладающее всеми признаками субъекта преступления и совместно участвующее в совершении умышленного преступления [72, с. 27, 29];
- лица, совместно участвующие в совершении умышленного преступлений [123, с. 123];
- лицо, подлежащее уголовной ответственности и совершившее умышленное преступление совместно с другим лицом или лицами [32, с. 54].

Е.В. Благов указывает на объединяющий фактор соучастия в преступлении, которым является взаимосвязь соучастников. Такая взаимосвязь проявляется в том, что действия организатора, подстрекателя и пособника направлены на обеспечение действий исполнителя, который и соединяет деяние всех соучастников в единое преступление [18, с. 116].

Кроме того, важным объединяющим всех соучастников признаков, является их умышленные действия, направленные на совершение умышленного преступления, что прямо следует из ст. 32 УК РФ.

Изложенное позволяет соучастника преступления определить, как субъекта преступления, совершившего умышленное преступление в умышленной взаимосвязи с другими субъектами преступления.

Ключевой фигурой в совершении преступления является исполнитель, без действий которого немислимо соучастие как таковое. По данному поводу М.И. Ковалев, признавая акцессорный характер соучастия, отметить, что суть акцессорности «заключена в признании того очевидного факта, что без исполнителя нет и соучастия, что особые условия и формы ответственности соучастников возможны только в том случае, если исполнитель выполнил задуманный соучастниками состав преступления или, по крайней мере, начал его исполнение. Основой общей ответственности соучастников является единство действий всех участвующих в преступлении лиц. Стержень этого единства - исполнитель. И если его нет, то соучастие рассыпается, как карточный домик» [49, с. 98].

А.Н. Трайнин указывал: «Исполнитель мыслим лишь в составе соучастников. «Исполнитель», «пособник» и «подстрекатель» - понятия соотносительные: они взаимно определяют друг друга как носители разных функций в едином соучастии. Поэтому быть исполнителем одному так же невозможно, как одному быть пособником или подстрекателем; исполнитель в смысле уголовно-правовом есть лишь тот, кто, действуя совместно с другими лицами, осуществляет преступный состав» [110, с. 104].

И.П. Малахов полагает, что «уголовно-правовое положение исполнителя определяется фактом непосредственного совершения им конкретного состава преступления, ответственность за который наступает на общих основаниях, а отнюдь не в силу постановлений о соучастии» [56, с. 10].

Следует отметить, что без исполнителя возможна только стадия приготовления к преступлению. Однако покушение и оконченное преступление без исполнителя немислимо. Данное обстоятельство позволяет некоторым ученым утверждать, что именно исполнитель представляет большую общественную опасность в сравнении с другими соучастниками преступления [119, с. 37]. Такая же позиция отражена и в судебной практике, когда действия исполнителя априори признаются наиболее опасными [93].

Однако следует согласиться с Д.М. Молчановым, который считает, что обязательное участие исполнителя в выполнении объективной стороны преступления не позволяет признать его действия наиболее опасными [60, с. 109]. Более такого УК РФ прямо не указывает большую общественную опасность действия исполнителя в сравнении с другими соучастниками преступления.

В доктрине и на практике выделяют несколько возможных вариантов поведения исполнителя преступления:

- исполнитель, который самостоятельно выполняет объективную сторону преступления;
- соисполнители, т.е. лица которые совместно выполняют полностью или часть объективной стороны преступления;
- исполнитель, выполняющий объективную сторону преступления посредством использования других лиц, не являющихся субъектом преступления, животных или технических средств [52, с. 178];
- частичное выполнение объективной стороны совместно с иными соисполнителями [61, с. 110].

В первых двух случаях для квалификации соисполнительства необходимо установление субъективной связи по поводу конечной цели совместных действий соисполнителей объективной стороны преступления.

Третий вид исполнителя заключается в том, что непосредственно объективную сторону преступления фактически совершает лицо, которое не может являться субъектом преступления в силу возраста или невменяемости.

Четвертый вид исполнителя характеризуется техническим распределением ролей между соисполнителями преступления. По данному вопросу необходимо обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – Постановление № 1) [84], в той части, где правоприменитель соисполнителями убийства признает лиц, которые «действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)» (абз. 2 п. 10). В данном случае, Пленум отходит от обязательности наличия прямой причинной связи между действием конкретного лица и наступлением смерти потерпевшего.

Например, суд первой инстанции установил, что Б., и С., действуя с единым умыслом на убийство, нанесли множественные удары ножом по различным частям тела ФИО9, причинив своими совместными действиями ставшие причиной смерти колото-резаные ранения груди, живота, брюшинного пространства и шеи, осложнившиеся острой кровопотерей. Таким образом, правильно установленные судом фактические обстоятельства убийства ФИО9 полностью опровергают рассуждения адвоката Осина Е.А. в апелляционной жалобе о наличии двух конфликтов, о меньшей степени тяжести телесных повреждений, которые причинила Б. [6].

Иными словами, соисполнительство при убийстве присутствует только в том случае, если все соисполнители применяли насильственные действия в отношении потерпевшего.

Кроме того, в соответствии с абз. 2 п. 10 Постановления № 1 убийство следует признавать совершенным группой лиц, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них.

Так, судом было правильно установлено, что в процессе удержания похищенного ФИО12 у А. возник умысел на его убийство, реализуя который он нанес потерпевшему удары палкой, в ходе избиения к нему с этой же целью присоединился ФИО21, также нанеся удары палкой, после чего они совместно закопали ФИО12. Таким образом, квалификация действий А. по п. «а» ч. 2 ст. 126, п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ была признана правильной [7].

Однако если лицо, непосредственно не совершало насильственных действий в отношении потерпевшего, а, к примеру, Р. освещал фонариком спавшего на топчане потерпевшего с целью, что бы И. совершил прицельный выстрел в потерпевшего, то в таком случае о соисполнительстве говорить не приходится. Своими действиями Р. содействовал совершению убийства [89].

Рассмотренные рекомендации Верховного Суда РФ касаются только состава убийства и не могут быть универсальными для других видов преступлений.

При этом можно найти и более широкий подход к соисполнительству, который, к примеру, отражен в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – Постановление № 29) [85]. В частности, из п. 10 Постановления № 29 следует, что соисполнительством признается совершение действий, направленных на оказание непосредственного содействия исполнителю в соответствии с распределением ролей.

Например, в судебном заседании было установлено, что ФИО1 совершил согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия ФИО2 в совершении преступления, поскольку они заранее договорились о хищении имущества из магазина, распределили между собой роли, совершили согласованные действия. При этом ФИО1, не проникая в помещение магазина, тем не менее, принимал участие во взломе дверей, подстраховывал ФИО2 от возможного обнаружения, складывал и вывозил похищенное на предоставленном им для совершения кражи автомобиле. Все это свидетельствует о том, что действия ФИО1 и ФИО2 были направлены на достижение одной цели, носили согласованный характер. В связи с изложенным довод апелляционной жалобы о неправильной квалификации действий ФИО1 по эпизоду кражи из магазина ФИО8 и необходимости исключения из его обвинения квалифицирующего признака «незаконное проникновение в помещение», удовлетворению не подлежит, как не основанный на законе [14].

Как можно заметить соисполнителями признаются также лица, которые выполнили часть действий, образующих состав конкретного преступления, в соответствии с заранее распределенными ролями. Такое выполнение соучастниками преступления различных функций в процессе непосредственного совершения преступления, получило название – «техническое распределение ролей» [116, с. 19].

Таким образом, исполнителем преступления признается лицо, которое непосредственно совершает преступление. В доктрине и на практике выделяют несколько возможных вариантов поведения исполнителя преступления: исполнитель, который самостоятельно выполняет объективную сторону преступления; соисполнители, т.е. лица которые совместно выполняют полностью или часть объективной стороны преступления; посредственный исполнитель, выполняющий объективную сторону преступления посредством использования других лиц, не являющихся субъектом преступления, животных или технических средств и исполнитель,

выполнивший часть действий, образующих состав конкретного преступления, в соответствии с заранее распределенными ролями.

2.2 Подстрекатель, организатор и пособник: понятие и роли

В данной части исследования будут рассмотрены такие виды соучастников, как подстрекатель, организатор и пособник.

В действующем уголовном законе подстрекатель относится к одному из видов соучастников (ч. 1 ст. 33 УК РФ), т.е. является лицом, которое склонило другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Такой категорией как «подстрекательство» УК РФ не пользуется. В связи с чем, можно сделать вывод, что «подстрекательство» является доктринальной категорией, которая является шире, чем просто «подстрекатель».

В науке уголовного права подстрекательство определяют по-разному.

В.Г. Мирзоян признает подстрекательством все случаи вовлечения кого-либо к совершению преступления [59, с. 12]. По мнению ученого подстрекательство правильно рассматривать как самостоятельный институт уголовного права, являющийся структурным элементом Общей и Особенной частей УК РФ [58, с. 14].

Критикуя вышеизложенную позицию, А.С. Некоз полагает, что признание подстрекательства самостоятельным институтом уголовного права является неоправданной тенденцией максимального дробления правовых институтов [61, с. 46]. В связи с чем, А.С. Некоз не соглашаясь с тем, что подстрекательство является самостоятельным институтом уголовного права, утверждает, что с одной стороны, подстрекательство является частью института соучастия и ограничено Общей частью УК РФ, а с другой стороны, подстрекательство, закрепленное в Особенной части УК РФ, имеет другую правовую природу, отличную от института соучастия [62, с. 19]. По мнению ученого, подстрекательство в Общей и Особенной части УК РФ являются

разными видами подстрекательства, имеют различную правовую природу и являются структурными элементами различных правовых институтов [61, с. 46].

В науке излагается позиция, согласно которой подстрекательство, признаваясь формой причастности к генезису преступления исполнителя, не является соучастием, а образует самостоятельную разновидность преступного деяния. Д.Б. Дрыженко и И.П. Семченков данное мнение обосновывают тем, что деяния подстрекателя и исполнителя не совпадают во времени и не пересекаются между собой [33, с. 39].

Что бы разобраться с тем, что следует понимать под подстрекательством, необходимо обратиться к этимологии слова «подстрекательство».

Так, в словарном определении «подстрекательство» означает побуждение, призыв к неблагоприятным преступным действиям [69, с. 382] или просто побуждение к недозволенным поступкам, преступным действиям [19, с. 1102]. В свою очередь «побуждение» - это желание, намерение действовать [69, с. 370]. Исходя из данных этимологических определений слов «подстрекательство» и «побуждение», следует, что основная цель побуждения в подстрекательстве – это посредством каких-либо действий вызвать у другого лица желание, намерение совершить преступные действия.

Если обратиться к нормам уголовного закона, то в ч. 4 ст. 33 подстрекатель понимается как лицо, которое склонило другое лицо к совершению преступления. При этом склонение понимается как убеждение в необходимости совершения какого-либо поступка, решения [69, с. 508].

Так, еще дореволюционные юристы признавали лицом, склоняющим к совершению преступления, лицо, которое виновным образом вызывает в другом лице мотивы к виновному совершению преступления [51, с. 48-50]. Таким же образом определяют склонение к совершению преступление и современные исследователи [49, с. 126].

Однако УК РФ использует применительно к подстрекательским действиям в некоторых статьях и такое слово, как «вовлечение» (ст.ст. 150, 151, 151.2, ст. 205.1 и др. статьи УК РФ), которое также означает побудить, привлечь к участию в чем-нибудь [69, с. 62]. В отличие от склонения, вовлечение включает не только возбуждение желания совершить что-либо, но и непосредственное привлечение к участию.

В доктрине мнения ученых относительно соотношения таких понятий, как «склонение» и «вовлечение» разнятся. Одни ученые считает рассматриваемые понятия синонимичными [36, с. 9], другие видят разницу в лингвистическом аспекте (склонить можно к чему-либо, а вовлечь во что-либо), но в тоже время считают их совпадающими по содержанию [37, с. 351]. По мнению третьих, результатом склонения является одно преступное действие, а вовлечения – система таких преступных действий [108, с. 47]. Более убедительной видится позиция, согласно которой склонение является процессом, а вовлечение – результатом [42, с. 151].

Если обратиться к нормам УК РФ, то можно заметить, что, к примеру, в ст. 205.1, п. 1.1. ст. 212, п. 1.1 ст. 282.1, п. 2 ст. 361 УК РФ законодатель склонение признает частным случаем вовлечения. В ст. 33 УК РФ склонение используется законодателем для обозначения действий, означающих побуждение к совершению преступления, в которых непосредственно подстрекатель участия не принимает. Термин «вовлечь» законодатель использует для обозначения действий, которые предполагают совместное участие в совершении преступления (ст. 150 УК РФ), для побуждения совершения не преступных действий (ст.ст. 151, 240 УК РФ).

Таким образом, в уголовно-правовом значении подстрекательство правильно было бы определить, как побуждение другого лица посредством его убеждения в необходимости совершения или привлечения к участию в совершении конкретного преступления.

В уголовном законе подстрекательство регулируется нормами Общей и Особенной частей УК РФ, что дает повод ученым для споров относительно

одинаковой или различной природы подстрекательства и признания или не признания его единым институтом.

А.С. Некоз полагает, что подстрекательство в Общей и в Особенной частях УК РФ являются различными видами подстрекательства, которые имеют разную правовую природу и относятся к разным уголовно-правовым институтам [61, с. 46]. В.Г. Мирзоян, также придерживаясь того мнения, что подстрекательство в Общей и Особенной частях УК РФ являются разными видами подстрекательства, но являются единым уголовно-правовым институтом [58, с. 15].

Действительно, в Общей части УК РФ подстрекатель относится к видам соучастников преступления. Следовательно, в данном случае подстрекательство является одним из элементов института соучастия. В Особенной части УК РФ предусмотрена ответственность за подстрекательство к совершению конкретных видов преступлений, которые обладают признаками подстрекательства, закрепленного ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Суть склонения к совершению преступления заключается в том, что лицо совершает действия, направленные на возникновение желания, решимости у другого лица непосредственно совершить преступление, либо оказать пособничество в его совершении или организовать совершение преступления.

К примеру, деяние Б.Н.П. было правильно квалифицировано судом по ч. 2 ст. 159.1 УК РФ как мошенничество в сфере кредитования, совершенное группой лиц по предварительному сговору, поскольку она непосредственно вносила в документы ложные сведения о заемщиках, которыми был введен в заблуждение сотрудник ООО МКК «Центрофинанс Север», принимающий окончательное решение о выдаче займа. Она же изымала денежные средства из места их хранения и передавала соучастникам, оставляя себе и Г.А. заранее оговоренную часть.

Вместе с тем действия Г.А. были ошибочно квалифицированы как соисполнительство того же преступления. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ

исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), то есть лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону преступления.

Действия, составляющие объективную сторону мошенничества, Г.А., как явствует из приговора, не исполнял - он не вводил в заблуждение потерпевшего, каковым являлось ООО МКК «Центрофинанс Север», не изымал деньги из фондов потерпевшего, а мог получить их только от соучастника после окончания преступления, не сообщал ложных сведений о заемщике. Все перечисленные действия, составляющие объективную сторону мошенничества, выполнены соучастниками преступления - Б.Н.П., К. и Р. Роль Г.А. заключалась в том, чтобы склонить к участию в преступлении новых соучастников, готовых выступить в роли заемщиков и предоставить сведения о себе, необходимые для составления договора. С этой целью Г.А. обратился к К. и предложил поучаствовать в мошенничестве за вознаграждение, а затем через К. привлек к соучастию Р.

Согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом, признается подстрекателем. Поэтому деяние Г.А. подлежит переквалификации на ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 159.2 УК РФ - подстрекательство к мошенничеству в сфере кредитования [13].

Склонение к совершению преступления осуществляется посредством использования различных способов воздействия на сознание других соучастников. Перечисленные в ч. 4 ст. 33 УК РФ способы воздействия (уговоры, подкуп, угрозы) не являются исчерпывающими.

В целом, теория и практика к способам подстрекательства относит так же: физическое насилие; обман; предложение совершить преступление [64]; отдача незаконного приказа или распоряжения, если подчиненный осознает его незаконность (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными

полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – Постановление от 16.10.2009 г. № 19) [82]); провокация преступления (п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – Постановление от 09.07.2013 г. № 24) [80]).

Практикой выработаны рекомендации, которые необходимо учитывать при признании лица подстрекателем. Прежде всего, подстрекателем может являться лицо, которое умышленно совершает действия, направленные на склонение другого лица к совершению конкретного преступления. При этом между действиями, направленными на склонение к совершению преступления и действиями исполнителя преступления существует причинная связь [2].

Кроме того, если подстрекатель одновременно осуществляет действия, направленные на совершение преступления, т.е. является исполнителем преступления, то в таком случае его действия квалифицируются как исполнение преступления, без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Например, поскольку С. была причастна к убийству трех лиц, а именно явилась подстрекателем к причинению смерти В.М., Б., и в качестве соисполнителя участвовала в лишении жизни В.В., то в данном случае при юридической оценке содеянного ею не требовалась ссылка на ч. 4 ст. 33 УК РФ [98].

В составах преступлений, в которых введены самостоятельные виды подстрекательства (ст. 150, ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ) поведение виновных оценивается в зависимости от правил квалификации данных преступлений.

Таким образом, как можно заметить, квалификация действий подстрекателя также, как и в некоторых случаях организатора преступления, зависит от действий исполнителя, а в случаях не доведения исполнителем преступления не до конца или отказа от совершения преступления, имеет самостоятельный характер.

Далее, следует рассмотреть организатора преступления, как самого опасного соучастника, координирующего все действия с целью успешного совершения преступления с прямым умыслом.

Понятие организатора сформулировано в ч. 3 ст. 33 УК РФ как лица, которое организовало совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Исходя из приведенного легального определения организатора преступления, можно выделить две его разновидности.

Во-первых, лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее им. В судебной практике к действиям организатора преступления, направленным на организацию совершения преступления, относятся склонение к совершению преступления, выполнение организационных действий [67], оказание помощи в совершении преступления [65], а также подстрекательство к совершению преступления, сопряженное с оказанием помощи исполнителю [1]. Как можно заметить, практика исходит из того, что, если действия организатора включают помимо организационных действий, еще и действия подстрекателя или пособника, то такая совокупность действий квалифицируется как соучастие в преступлении в качестве организатора. Однако одновременное выполнение пособнических и подстрекательских действий не может быть квалифицировано как соучастие в качестве организатора. В таком случае действия оцениваются как подстрекательство и пособничество по ч.ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ [4].

Следует также заметить, что все организационные действия, направленные на создание условий для совершения преступления, организатор совершает до момента совершения самого преступления исполнителем. В то время, как действия организатора, руководившего преступлением, направленные на контроль за совершением преступления и поведением соучастников, совершаются во время совершения преступления.

Так, государственный обвинитель в прениях сторон обосновано, со ссылкой на отсутствие вменения непосредственного выполнения хотя бы части объективной стороны преступления, то есть исполнения убийства Б. по найму, поскольку ч. 3 ст. 33 УК РФ к организатору преступления относит лицо, руководившее не подготовлением к преступлению, а его исполнением, из существа и формулировки обвинения М. исключил как излишне вменное указание на ее руководство подготовлением к убийству Б. [97].

Во-вторых, лицо, создавшее (подбор, вовлечение, распределение ролей соучастников и другие действия, направленные на обеспечение устойчивости группы), и руководящее (осуществление организационных и управленческих функций, т.е. разработка планов деятельности группы, подготовка к совершению преступлений, разработка способов совершения и сокрытия преступления, организация материально-технического обеспечения, принятие мер безопасности членов организованной группы и др.) организованной группой или преступным сообществом [52, с. 186].

Действия, рассмотренных двух видов организаторов, квалифицируются по-разному. Если в первом случае (лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее им) квалификация зависит от действий исполнителя, то во втором случае (лицо, организовавшее и руководящее организованной группой или преступным сообществом) от вида группы, которую создал или руководит (применяются правила квалификации преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 208, 209, 210, 282.1 УК РФ). В случае, если созданная группа не обладает признаками преступных групп, указанных в уголовном законе, то квалификация действий организатора также зависит от исполнителя, т.е. признаются оконченными с момента совершения преступления исполнителем, как совершение преступления организованной группой при этом без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ (п. 15 Постановления № 29, п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества

(преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – Постановление от 10.06.2010 г. № 12 [81])).

Например, из обстоятельств, установленных и описанных в приговоре, следовало, что К. не являлся непосредственным исполнителем нападения на Ф.И.О.5 и его преступные действия выразились в организации совершения разбоя и руководстве его исполнением. Так, К. привлек в качестве исполнителя разбоя В., который не был знаком с потерпевшим Ф.И.О.5, за свой счет заказал ему такси из с. Удобное Благовещенского района в г. Благовещенск, разработал план совершения преступления, предоставил В. обрез имеющегося у него охотничьего огнестрельного ружья, сообщил информацию об адресе местожительства Ф.И.О.5 и способе беспрепятственного проникновения к нему в квартиру, пообещав В. 50 000 рублей за хищение банковской карты, на счету которой должны были находиться денежные средства в сумме более 250 000 рублей.

При таких обстоятельствах, действия осужденного К. были переквалифицированы с ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 33 ч. 3 ст. 162 УК РФ [87].

Пособничество близко примыкает к соисполнительству, о чем свидетельствует и семантика слова «пособничество»: термин, определяющий его смысл, - «содействие», в современных словарях толкуется как устаревший синоним слова «соучастие» [38]. Законодательная формулировка ныне действующего УК РФ применительно к пособничеству дала возможность квалифицировать как пособничество действия лица, предоставившего информацию и орудия совершения преступления. Кроме того, на законодательном уровне более четко регламентирован вопрос в отношении лиц, заранее обещавших приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем.

Традиционно пособничество делят на две формы: интеллектуальное (советы, указания, заранее обещанное сокрытие преступника, средств и орудий совершения преступления, следов преступления и т.д.) и физическое

(предоставление средств или орудий для совершения преступления, устранение препятствий, сокрытие орудий и средств преступления) [52, с. 184].

На практике иногда суды действия пособника квалифицируют как подстрекательство. К примеру, предъявленные в обвинении действия Т. о том, что она в 18 часов 11 минут узнав, где находится супруг, съездила и привезла его домой, гарантируя тем самым А. возможность совершения убийства. А в 18 часов 57 минут вынула из мобильного телефона Х. сим-карту, чтобы в момент убийства исключить возможность разговора потерпевшего с кем-либо по телефону, - достаточной совокупностью доказательств не подтверждены и исключаются судом из объема предъявленного обвинения. Также не нашел подтверждение, изложенный в обвинительном заключении довод о том, что именно Т. разработала план убийства.

Иные вмененные Т. действия, установленные судом, свидетельствуют о совершенном ею подстрекательстве к убийству по найму [96]. В то время как налицо пособничество в совершении убийства по найму.

В другом случае, представитель потерпевшей привел доводы о необоснованном исключении из объема обвинения, предъявленного Л., совершения подстрекательства к убийству, что повлекло назначение ей чрезмерно мягкого наказания, со ссылкой на согласие Л. с предъявленным ей обвинением ранее и таких ее действий, как подмешивание в пиво снотворного, сделанный лично укол снотворного в правое плечо И. для того, чтобы он уснул, которые, по мнению представителя потерпевшей, можно причислить к «другим способам», перечисленным в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Однако Судебная коллегия не согласилась с мнением представителя потерпевшей по следующим основаниям.

Подстрекательство представляет собой активное действие, направленное на возбуждение у лица желания совершить преступление, однако судом таких действий в ходе исследования и оценки доказательств, собранных по делу, в том числе показаний осужденных Л. и Б., установлено

не было, как не было установлено и прямого умысла Л. на подстрекательство Б. путем уговоров к совершению убийства И. Доводы стороны обвинения в указанной части фактически сводятся к предложению иным образом оценить имеющиеся в доказательствах сведения о действиях Л., для чего Судебная коллегия веских оснований не находит. С учетом изложенного, выводы суда об исключении из объема обвинения, предъявленного Л., совершения подстрекательства к убийству, Судебная коллегия находит правильными и обоснованными.

Действительно, совокупностью исследованных по делу доказательств судом правильно установлено, что убийство И. совершено Б. при соучастии - пособничестве осужденной Л., выводы суда в указанной части судом должным образом мотивированы и Судебная коллегия находит их правильными и обоснованными [71].

Много проблем с квалификацией пособничества связано с его применением к отдельным составам - борьба с терроризмом, взяточничеством, незаконным оборотом наркотических средств.

Однако использование в статьях Особенной части терминов, характеризующих конкретные способы соучастия, вызывает и серьезную критику. В частности, Д.А. Безбородов выразил следующую позицию по поводу тенденций российского уголовного законодательства к излишней казуистичности: «К сожалению, иногда создается впечатление, что законодатель либо не подозревает о существовании в Общей части Уголовного кодекса института соучастия в преступлении, либо руководствуется какими-то иными мотивами, как представляется, чаще всего политического характера» [17, с. 4].

К.В. Ображиев и К.В. Чашин отмечают: «До появления ст. 291.1 УК РФ посредник во взяточничестве, как правило, признавался пособником преступления, предусмотренного ст. ст. 290 или 291 УК РФ. Однако подобная уголовно-правовая оценка далеко не во всех случаях соответствовала предписаниям ч. 5 ст. 33 УК РФ, которая содержит исчерпывающий перечень

пособнических действий... Передача предмета преступления (в нашем случае - взятки) в перечне пособнических действий не указана (в нем фигурирует только предоставление «средств или орудий совершения преступления»)» [68, с. 32].

Изложенное во второй главе выпускной квалификационной работе, позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, соучастник преступления – это субъект преступления, совершивший умышленное преступление в умышленной взаимосвязи с другими субъектами преступления. Ключевой фигурой в совершении преступления является исполнитель, без действий которого немислимо соучастие как таковое. Без исполнителя возможна только стадия приготовления к преступлению. Однако покушение и оконченное преступление без исполнителя немислимо. В доктрине и на практике выделяют несколько возможных вариантов поведения исполнителя преступления: исполнитель, который самостоятельно выполняет объективную сторону преступления; соисполнители, т.е. лица которые совместно выполняют полностью или часть объективной стороны преступления; посредственный исполнитель, выполняющий объективную сторону преступления посредством использования других лиц, не являющихся субъектом преступления, животных или технических средств и исполнитель, выполнивший часть действий, образующих состав конкретного преступления, в соответствии с заранее распределенными ролями.

Во-вторых, в уголовно-правовом значении подстрекательство правильно определить как побуждение другого лица посредством его убеждения в необходимости совершения или привлечения к участию в совершении конкретного преступления. Практикой выработаны рекомендации, которые необходимо учитывать при признании лица подстрекателем. Прежде всего, подстрекателем может являться лицо, которое умышленно совершает действия, направленные на склонение другого лица к совершению конкретного преступления. При этом между действиями, направленными на

склонение совершению преступления и действиями исполнителя преступления существует причинная связь. Квалификация действий подстрекателя также, как и в некоторых случаях организатора преступления, зависит от действий исполнителя, а в случаях не доведения исполнителем преступления не до конца или отказа от совершения преступления, имеет самостоятельный характер. Понятие организатора сформулировано в ч. 3 ст. 33 УК РФ как лица, которое организовало совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Учитывая однородность проблем для различных составов преступлений, целесообразно предусмотреть открытый перечень возможных способов пособничества в ч. 3 ст. 33 УК РФ, чтобы не подгонять под потребности практики конкретные составы преступления. Таким образом, самым опасным соучастником преступления является организатор, деятельность которого направлена не на непосредственное совершение объективной стороны преступления, а на организацию и руководство совершением преступления. Исполнитель является соучастником, без действий которого немислимо соучастие как таковое.

Глава 3 Проблемные аспекты квалификации преступлений при соучастии и пути их решения

При квалификации преступлений, совершенных при соучастии, возникают на практике ряд проблем.

Во-первых, одним из проблемных вопросов уголовного права, является совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Например, суд пришел к выводу о том, что действия подсудимого А.Г.Ш. следует квалифицировать по ст. 162 ч. 3 УК РФ как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору. О предварительном сговоре подсудимого А.Г.Ш. и неустановленных лиц, свидетельствует наличие в их действиях единства намерений как участников группы на совершение преступления, достигнутое между ними соглашение о совместности, то есть функциях совершения преступления с целью достижения единой, совместной цели, направленной на хищение денежных средств, согласованность действий, а также выполнение подсудимым и неустановленными лицами объективной стороны преступления, что нашло свое подтверждение в судебном заседании доказательствами, указанными выше [99].

Согласно п. 11 Постановления № 29 в случаях, когда лицо, не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в совершении разбойного нападения, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично.

Так, как следует из материалов уголовного дела, осужденные имели договоренность на совершение открытого хищения имущества, принадлежащего ФИО1, с этой целью, под вымышленным предлогом, вторично пришли к нему в квартиру и нанесли потерпевшему несколько ударов руками в область головы и лица, не причинив ему какого-либо вреда здоровью. После этого, оттеснив потерпевшего на кухню, Ш.И.А. потребовал

передачи им денег в сумме 5000 руб., а затем взял с подоконника молоток с резиновым наконечником, которым нанес ФИО1 удар по голове в область лба. С.А.А. в это время осматривал спальню.

В судебном заседании С.А.А. отрицал наличие у него и Ш.И.А. предварительного сговора на совершение разбоя, применение им насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, а также применение предмета, используемого в качестве оружия. Других доказательств, подтверждающих вину С.А.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, по делу не имеется. При таких обстоятельствах судебная коллегия сделала вывод о том, что между осужденными не имелось сговора на совершение разбойного нападения. Сговором осужденных не охватывалось применение предмета, используемого в качестве оружия, молоток принадлежал ФИО1 и был взят одним Ш.И.А. тут же на месте преступления – с подоконника в кухне квартиры потерпевшего.

Осужденный С.А.А. молоток не применял, договоренности с Ш.И.А. о его применении в отношении ФИО1 при завладении имуществом не было.

Ш.И.А. самостоятельно применил молоток, как предмет, используемый в качестве оружия, предварительно не согласовав свои действия с С.А.А., то есть, фактически выйдя за пределы состоявшегося сговора, в связи с чем судебная коллегия приходит к выводу о наличии в действиях Ш.И.А. эксцесса исполнителя.

Исходя из этого, судебная коллегия исключила из осуждения Ш.И.А. квалифицирующий признак – совершение разбоя группой лиц по предварительному сговору [10].

В другом случае, было указано на то, что осужденные не договаривались на совершение разбойного нападения. Защитник осужденного Т.А.А. указал в апелляционной жалобе, что сговора на применение насилия, опасного для жизни и здоровья, между осужденными не было, Т.А.А. применял насилие к потерпевшему не с целью хищения его имущества, а защищаясь от агрессивных действий потерпевшего, пытавшегося вернуть свой телефон. В

связи с чем действия Т.А.А. необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Однако, доводы апелляционных жалоб о том, что осужденные не договаривались применять к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья, не были приняты судебной коллегией во внимание, поскольку, как было достоверно установлено в ходе рассмотрения дела, осужденные изначально договорились забрать у потерпевшего телефон, в дальнейшем, следуя данной договоренности, оба, совершая преступление, нанесли потерпевшему удары, в том числе в жизненно важный орган – голову, причинив ему своими совместными и согласованными действиями легкий вред здоровью.

Не согласилась судебная коллегия и с доводом апелляционной жалобы об эксцессе исполнителя со стороны Т.А.А., поскольку Ш.Р.Р., реализуя совместный с Т.А.А. преступный сговор на завладение имуществом ФИО1, осознавая, что Т.А.А. применяет к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья, воспользовался примененным соисполнителем насилием, и предпринял действия, направленные на удержание похищенного имущества, применяя при этом аналогичное по своему характеру насилие к потерпевшему [9].

Важно также обратить внимание и на то, что согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ лица объединяются в группу лиц по предварительному сговору для совершения одного конкретного преступления. Однако ученые рассматривают ситуацию, когда данная группа может совершить более одного преступления. По мнению А.П. Козлова в таком случае действия этих лиц квалифицируются как группа лиц по предварительному сговору, но только если умысел и сговор на другие преступления возник самостоятельно [50, с. 246]. В судебной практике также встречаются случаи квалификации не как организованной группы, а как группы лиц по предварительному сговору.

Так, первое хищение было совершено Ш., а спустя некоторое время он и Б.С.А., действуя группой лиц по предварительному сговору, проникли в дом

потерпевшего и похитили иное имущество. При этом умысел Ш. на совершение краж возникал каждый раз самостоятельно, что следует из показаний обоих осужденных [91].

В связи с чем, следует поддержать мнение А.А. Арутюнова и внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 35 УК РФ указав в ней, что группа лиц представляет собой два и более лица, которые предварительно договорились о совместном совершении одного или нескольких преступлений [15, с. 312].

Во-вторых, ключевой фигурой в преступном сообществе выступает организатор, к нему применимо следующее толкование: «лицо, создающее какую-либо организацию, учреждение или предприятие и направляющее его работу; тот, кто организует что-либо, является инициатором чего-либо», обладающий набором криминальных, коррупционных, межрегиональных связей.

Так, приходя к выводу об участии осужденных в преступном сообществе, суд оставил без внимания то, что наличие соподчиненности, разделение функций между соучастниками не может квалифицироваться как структурированная организованная группа.

Судебной коллегией также сделан обоснованный вывод о том, что действующие группы осужденных нельзя отнести к структурным подразделениям либо обособленным организованным группам, поскольку они не имеют руководителей этих подгрупп. Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии признака структурированности в организованной преступной группе, в которую входили осужденные по настоящему делу лица, является правильным, а потому решение об отмене приговора по ч. 2 ст. 210 УК РФ и о прекращении уголовного дела является обоснованным [88].

Согласно действующему уголовному законодательству, руководитель преступного сообщества, а равно лица, осуществлявшие в нем управленческие функции, несут уголовную ответственность по ст. 210 ч. 1 УК РФ за совершение хотя бы одного из указанных в ней преступных действий, а также

по соответствующим статьям УК РФ за все совершенные другими участниками преступной организации в интересах сообщества и во исполнение единого умысла преступления. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 210 УК РФ, является окончанным в момент создания преступного сообщества независимо от того, совершили или нет его участники запланированное преступление, поэтому в случае осуществления в той или иной степени соучастниками поставленной цели действия руководителя образуют реальную совокупность преступлений.

Судом было установлено, что Н.В. являлся организатором и лидером преступного сообщества, созданного в целях хищения мошенническим путем имущества граждан способами, подробно описанными в приговоре. Суд не только привел в своем решении признаки, присущие преступному сообществу (преступной организации), но и указал, в чем конкретно они нашли свое проявление, установил характер взаимоотношений между членами группы, их роли, период деятельности преступного сообщества. С учетом конкретных обстоятельств дела, указывающих на тщательную организацию и подготовку совершенных преступлений, наличие в преступной организации структурных подразделений, четкой иерархии, распределение ролей между соучастниками, оснований не согласиться с выводами суда о доказанности принадлежности осужденного именно к преступной организации и выполнении им в ней руководящей роли, вопреки доводам защитника, не имелось [77].

В-третьих, много вопросов возникает при квалификации отдельных видов подстрекательских действий. В частности, подстрекательские действия, являющиеся частью действий, связанных с созданием некоторых организованных преступных групп. К таким преступлениям относятся:

- вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу (ч. 4 ст. 150 УК РФ);
- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ);

- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность террористического сообщества (ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ);
- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации (ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ);
- склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ)
- организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ);
- организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ).

В указанных составах преступлений подстрекательские действия выступают в качестве составной части действий организаторских действий. Кроме того, моментом окончания указанных преступлений является момент образования преступных организаций независимо от того совершили ли участники данных организаций какое-либо преступление, для совершения которого и создана конкретная преступная организация.

При этом, следует заметить, что в рассматриваемых составах преступлений, в зависимости от вида преступной группы, подстрекательские действия проявляются посредством:

- составной части организаторских действий, направленных на создание или участие в преступной группе;
- самостоятельного состава преступления, не связанного с созданием или участием в преступной группе.

Так, подстрекательские действия являются составной частью организаторских действий, направленных на создание таких преступных организаций, как экстремистские или террористические сообщества, незаконные вооруженные формирования, что подтверждается материалами судебной практики. Например, в одном апелляционном определении указано, что выполнение при совершении преступления действий, связанных с подстрекательством, охватывается составом организаторства [8].

Верховный Суд РФ в ряде своих постановлений признает организаторскими действиями, направленными на создание преступной группы любые действия, результатом которых стало образование подобной организации (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [83]), а также, к примеру, вербовку новых участников (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [81]). Иными словами, подстрекательство может являться частью общих действий организатора преступной группы. В то же время, подстрекательство к участию в преступлениях, ответственность за которые предусмотрена статьями 201, 209, 205.1, 208, 282.1 УК РФ составляет часть отдельных действий от организаторских. В таких случаях подстрекательство квалифицируется как участие лица в соответствующей преступной группе.

В преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 150, ч. 1 и ч. 1.1. ст. 205.1, ч. 1.1. ст. 282.1 и ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ подстрекательство образует самостоятельный состав преступления. Однако, не все ученые оценивают состав ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ как специальный вид подстрекательства [31], несмотря на идентичный подход законодателя, предусматривающего уголовную ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества в ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ. Однако, автор настоящей работы придерживается позиции тех ученых, которые данный состав преступления также относят к специальному виду подстрекательства к участию в преступных группах, к которым относится и экстремистская организация [109, с. 236].

Применительно к ч. 1.1. ст. 282.1, ч. 1.1. ст. 282.2 и ч. 1 и ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ правоприменитель разъяснил такие понятия, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, которые включают в себя действия, направленные на вовлечение лиц в такую деятельность посредством уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб,

предложений, применения физического воздействия (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [86]; п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [79]). Как можно заметить, разъяснение рассматриваемых категорий, Верховный Суд РФ осуществляет посредством перечисления форм их выражения, что позволяет некоторым авторам сделать вывод об их синонимичности [24].

Однако автор настоящей выпускной квалификационной работы, полагает возможным согласиться с учеными, которые разделяют склонение, вербовку и вовлечение. Так, можно предложить следующие определения данных понятий:

- вербовка – систематический поиск, подбор, найм новых участников в уже существующую преступную группу;
- склонение – процесс воздействия на психику лица, направленный на получения согласия на участие в преступной группе;
- иное вовлечение – результативные действия, основанные на психическом или физическом насилии.

А.С. Некоз обращает внимание на то, что рассмотренное проявление подстрекательских действий, единых по своему содержанию, имеют разную уголовно-правовую оценку, что проявляется при рассмотрении санкций в виде лишения свободы за данные виды преступлений [62].

В частности, при криминализации ч. 1, ч. 1.1. ст. 205.2 и ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ законодатель исходил из особой опасности подстрекательских действий, направленных на вербовку членов террористических сообществ и незаконных вооруженных формирований [94]. При этом законодатель никаким образом не прояснил вопрос относительно того, являются ли лица, склоняющие других лиц к участию в преступной группе, сами участниками таких групп. В связи с чем, в доктрине некоторые ученые полагают, что субъектом данных преступных действий могут являться лица, не являющиеся

участниками соответствующих преступных групп и действия, которых образуют самостоятельный состав преступления [94].

Однако, если склонение к участию в преступной группе является самостоятельным составом преступления, то его общественная опасность должна расцениваться ниже, чем опасность участия или организации группы. Если же рассматривать санкции ч. 1, ч. 1.1 ст. 205.2, ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ, то можно увидеть, что законодатель данные действия, т.е. склонение, участие и организацию преступной группы рассматривает как альтернативные. В результате получается, что санкция определена опасностью указанных всех выше преступных действий и равна (ст. 208 УК РФ) или выше (ст. 205.4 УК РФ), чем за участие в таких преступных группах.

В ст. 282.2 УК РФ санкция за склонение к участию в экстремистском сообществе законодатель приравнял к участию или причастности к деятельности данного преступного сообщества. Однако санкция за склонение лицом, не являющимся участником данного сообщества выше, чем за участие в данной группе.

В связи с изложенным, представляется правильным ст. 205.4 УК РФ и ст. 208 УК РФ дополнить самостоятельной частью, предусматривающей ответственность за подстрекательские действия, направленные на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность соответствующих преступных групп. При этом, санкция за данные преступные действия должна быть сравнительно ниже, чем за участие в этих преступных группах.

Еще одним проблемным вопросом в части криминализации пособнических действий, направленных на склонение, вовлечение в преступную группу, является отсутствие самостоятельной уголовной ответственности за подстрекательские действия, связанные со склонением, вербовкой или иными действиями, направленными на вовлечение других лиц в участие в банде или преступном сообществе (преступной организации) лицами, не являющимися членами (участниками) таких преступных групп. Однако в данном случае следует согласиться с А.С. Некоз в том, что такие

случаи правильно квалифицировать посредством использования классической конструкции подстрекательства к преступлению [94].

Действительно, необходимость криминализации самостоятельной ответственности лиц, не являющихся участниками террористических, экстремистских сообществ или вооруженных формирований связано с повышенной общественной опасностью таких преступных групп, обусловленной в числе прочего пропагандой ими опасной или запретной идеологии, что не присуще для банд и преступных сообществ, функционирование которых связано с совершением конкретных преступлений. Поэтому, действия подстрекателя, не являющегося участником банды или преступного сообщества, направленные на склонение к участию в данных преступных группах правильно квалифицировать со ссылкой на ст. 33 и ч. 3 ст. 34 УК РФ.

В-четвертых, при квалификации действий подстрекателя возникает ряд проблем, в связи с чем, практикой выработаны рекомендации, которые необходимо учитывать при признании лица подстрекателем. Прежде всего, следует отметить, что подстрекателем может являться лицо, которое умышленно совершает действия, направленные на склонение другого лица к совершению конкретного преступления. При этом между действиями, направленными на склонение к совершению преступления и действиями исполнителя преступления существует причинная связь [2].

Кроме того, если подстрекатель одновременно осуществляет действия, направленные на совершение преступления, т.е. является исполнителем преступления, то в таком случае его действия квалифицируются как исполнение преступления, без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Например, поскольку С. была причастна к убийству трех лиц, а именно явилась подстрекателем к причинению смерти В.М., Б., и в качестве соисполнителя участвовала в лишении жизни В.В., то в данном случае при юридической оценке содеянного ею не требовалась ссылка на ч. 4 ст. 33 УК РФ [98].

Однако из данного правила есть исключение, когда подстрекатель непосредственно участвовал в совершении преступления, субъект которого должен обладать признаками специального субъекта, указанного в конкретной статье Особенной части УК РФ. В таких случаях действия подстрекателя квалифицируются со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Например, в судебном заседании было установлено, что кредитную сделку совершил руководитель ООО - М.В., а Х. подготовил бухгалтерскую отчетность с целью представить финансовое состояние организации в более выгодном свете.

Из материалов дела также следовало, что руководителем, учредителем и главным бухгалтером ООО являлся М.В. Согласно протоколу общего собрания участников ООО Х. был выведен из состава участников ООО.

Таким образом, Х. не обладал признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, так как не являлся руководителем организации, в связи с чем его действия были переквалифицированы с ч. 1 ст. 176 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 176 УК РФ, поскольку его действия расцениваются как пособничество [90].

Изложенное в третьей главе выпускной квалификационной работе, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ лица объединяются в группу лиц по предварительному сговору для совершения одного конкретного преступления. Однако на практике могут встречаться ситуации, когда данная группа может совершить более одного преступления. В связи с чем, целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 35 УК РФ указав в ней, что группа лиц представляет собой два и более лица, которые предварительно договорились о совместном совершении одного или нескольких преступлений.

Во-вторых, много вопросов возникает при квалификации отдельных видов подстрекательских действий и, в частности, подстрекательские действия, являющиеся частью действий, связанных с созданием некоторых

организованных преступных групп. Обращено внимание на проблему тождественности или различности таких категорий, как «вербовка», «склонение» и «иное вовлечение». Автор настоящей работы поддерживает позицию тех ученых, которые не отождествляют указанные категории. Далее были предложены следующие определения данных понятий:

- вербовка – систематический поиск, подбор, найм новых участников в уже существующую преступную группу;
- склонение – процесс воздействия на психику лица, направленный на получения согласия на участие в преступной группе;
- иное вовлечение – результативные действия, основанные на психическом или физическом насилии.

Целесообразно ст. 205.4 УК РФ и ст. 208 УК РФ дополнить самостоятельной частью, предусматривающей ответственность за подстрекательские действия, направленные на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность соответствующих преступных групп. При этом, санкция за данные преступные действия должна быть сравнительно ниже, чем за участие в этих преступных группах.

Заключение

Констатируя все выше изложенное, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, институт соучастия в преступления – это самостоятельный институт уголовного права, закрепленный в нормах Общей и Особенностей частей УК РФ и имеющий многоаспектный характер, выражающийся в одних случаях в акцессорной природе ответственности соучастников преступления, в других – в самостоятельной ответственности соучастников преступления.

Признаки соучастия разделяют на объективные и субъективные. К объективным признакам соучастия относятся: в преступлении участвуют несколько лиц; преступление совершается совместно. Субъективными признаками соучастия являются: единство умысла соучастников преступления; совместное участие в умышленном преступлении.

Во-вторых, деление на формы соучастия должно осуществляться в зависимости от различного характера деятельности соучастников. А различие в характере субъективной связи позволяет делить соучастие на виды. В данном случае речь идет о соотношении содержания и формы. В качестве содержания как раз и выступает вид соучастия, определяющий психическую сторону общественно-опасного действия отдельного соучастника преступления. Внешней стороной соучастия является его форма. В целом, форма является способом выражения юридического содержания деятельности, образующий объективный критерий классификации соучастия. Вид представляется собой структурную единицу формы, отражающий ее внутреннее содержание и образующий субъективный критерий деления соучастия.

В-третьих, законодатель выделяет в ст. 35 УК РФ формы соучастия в зависимости от характера и степени согласованности поведения соучастников преступления и называет только четыре формы соучастия: группу лиц; группу лиц по предварительному сговору; организованную группу; преступное

сообщество. В состав группы лиц входят только исполнители. В группе лицо по предварительному сговору допускается распределение ролей, однако, если в непосредственном осуществлении объективной стороны преступления принимало участие не менее двух соисполнителей.

В-четвертых, в ст. 33 УК РФ к соучастникам относятся: организатор, исполнитель, подстрекатель и пособник. Данное разделение соучастников на отдельные виды произведено с учетом их объективной роли в совершении преступления, т.е. «по разнице поведения». Соучастником преступления является субъект преступления, совершивший умышленное преступление в умышленной взаимосвязи с другими субъектами преступления.

Ключевой фигурой в совершении преступления является исполнитель, без действий которого немыслимо соучастие как таковое. Без исполнителя возможна только стадия приготовления к преступлению. Однако покушение и оконченное преступление без исполнителя немыслимо. В доктрине и на практике выделяют несколько возможных вариантов поведения исполнителя преступления: исполнитель, который самостоятельно выполняет объективную сторону преступления; соисполнители, т.е. лица которые совместно выполняют полностью или часть объективной стороны преступления; посредственный исполнитель, выполняющий объективную сторону преступления посредством использования других лиц, не являющихся субъектом преступления, животных или технических средств и исполнитель, выполнивший часть действий, образующих состав конкретного преступления, в соответствии с заранее распределенными ролями.

В-пятых, проведенный анализ понятия и признаков подстрекательства, позволил сделать вывод о том, что подстрекательство представляет собой побуждение другого лица посредством его убеждения в необходимости совершения или привлечения к участию в совершении конкретного преступления. По своей правовой природе подстрекательство является одним из элементов института соучастия. Поэтому подстрекательству присущи те же признаки, что и соучастию в преступлении, в целом. При этом, подстрекатель

непосредственно не выполняет действия, составляющие объективную сторону преступления, однако между действиями, направленными на склонение к совершению преступления и действиями исполнителя преступления существует причинная связь. Квалификация действий подстрекателя зависит от действий исполнителя, а в случаях не доведения исполнителем преступления не до конца или отказа от совершения преступления, имеет самостоятельный характер.

Исходя из легального определения организатора преступления, можно выделить две его разновидности: лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее им; лицо, создавшее, и руководящее организованной группой или преступным сообществом. Действия, названных двух видов организаторов, квалифицируются по-разному. Если в первом случае квалификация зависит от действий исполнителя, то во втором случае от вида группы, которую создал или руководит. В случае, если созданная группа не обладает признаками преступных групп, указанных в уголовном законе, то квалификация действий организатора также зависит от исполнителя, т.е. признаются оконченными с момента совершения преступления исполнителем, как совершение преступления организованной группой при этом без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Пособничество относится к числу тех видов соучастия, которые не только обозначены в уголовном законе, но и зафиксированы в многочисленных актах правоприменения. Учитывая однородность проблем для различных составов преступлений, представляется целесообразным предусмотреть открытый перечень возможных способов пособничества в ч. 3 ст. 33 УК РФ, чтобы не подгонять под потребности практики конкретные составы преступления.

В-шестых, согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ лица объединяются в группу лиц по предварительному сговору для совершения одного конкретного преступления. Однако на практике могут встречаться ситуации, когда данная группа может совершить более одного преступления. В связи с чем,

целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 35 УК РФ указав в ней, что группа лиц представляет собой два и более лица, которые предварительно договорились о совместном совершении одного или нескольких преступлений.

В работе обращено внимание на проблему тождественности или различности таких категорий, как «вербовка», «склонение» и «иное вовлечение». Автор настоящей работы поддерживает позицию тех ученых, которые не отождествляют указанные категории. Далее были предложены следующие определения данных понятий:

- вербовка – систематический поиск, подбор, найм новых участников в уже существующую преступную группу;
- склонение – процесс воздействия на психику лица, направленный на получения согласия на участие в преступной группе;
- иное вовлечение – результативные действия, основанные на психическом или физическом насилии.

Кроме того, было предложено ст. 205.4 УК РФ и ст. 208 УК РФ дополнить самостоятельной частью, предусматривающей ответственность за подстрекательские действия, направленные на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность соответствующих преступных групп. При этом, санкция за данные преступные действия должна быть сравнительно ниже, чем за участие в этих преступных группах.

Таким образом, несмотря на то, что проведенный анализ в виду ограниченности объема не охватил все возможные проблемы теории и практики соучастия в преступлении, но все-таки позволил создать стройную концепцию уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, с учетом доктринальных источников и имеющейся судебной практики.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 03.04.2014 г. № 48-АПУ14-21. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 04.06.2015 г. № 30-АПУ15-3. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.04.2018 г. № 49-АПУ18-2. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 78-АПУ15-22. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 04.09.2017 г. № 22-1543/2017 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 07.12.2022 г. № 55-588/2022 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 28.02.2022 г. № 55-74/2022 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.03.2020 г. по делу № 55-105/2020. СПС КонсультантПлюс.
9. Апелляционное определение Самарского областного суда от 06.11.2018 по уголовному делу № 22-6353. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oblsud.sam.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2023).
10. Апелляционное определение Самарского областного суда от 11.10.2018 по уголовному делу № 22-5322/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oblsud.sam.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2023).
11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.06.2015 г. по делу № 22-5346/2015 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

12. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 г. по делу № 55-496/2022 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

13. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 11.05.2018 г. по делу № 22-3014/2018. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

14. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 31.07.2019 г. по делу № 22-3696/2019 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

15. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. 408 с.

16. Балеев С. Соучастие в преступлении: формы и классификация // Уголовное право. 2006. № 5. С. 8-11.

17. Безбородов Д.А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии // Криминалисты 2017. № 1. С. 4-7.

18. Благов Е.В. О понятии соучастника преступления // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 114-123.

19. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1200 с.

20. Бриллиантов А. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. 2008. № 3. С. 28-29.

21. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. 208 с.

22. Быков В.М. Виды преступных групп: проблемы разграничения // Российский следователь. 2005. № 8. С. 19-23.

23. Быков В.М. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 18 - 21.

24. Власенко В.В. Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ): особенности объективной стороны и вопросы

отграничения от смежных преступлений // Уголовное право. 2018. № 6. С. 22-31.

25. Галактионов Е.А. Формы и виды соучастия: теоретико - правовые аспекты // Российский следователь. 2002. № 8. С. 36-40.

26. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. 217 с.

27. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «Центр ЮрИфоР», 2003. 448 с.

28. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. СПб., 1815. Ч. 1. 290 с.

29. Гришаев П.И. Некоторые вопросы соучастия в преступлении по буржуазному уголовному праву // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. VII : Вопросы советского уголовного права. М., 1959. С. 60-85.

30. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 255 с.

31. Долгих Т.Н. Понятие и особенности квалификации действий соучастника преступления в форме подстрекательства [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

32. Дрепелев А.С. Соучастник преступления. М., 2019. 270 с.

33. Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Подстрекатель к преступлению соучастником преступления не является // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (39). С. 37-40.

34. Ермакова Л.Д. Особо опасные государственные преступления. М., 1982. 220 с.

35. Ермакова Н.В. Роль вида и формы соучастия в решении практических вопросов // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2015. С. 66-70.

36. Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения пути их разрешения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 33 с.
37. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / Отв. ред. А.И. Рарог. - М., 2007. 420 с.
38. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. 2-е изд., стер. М., 2001. Том 2: П-Я. 1084 с.
39. Жиряев А.О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 7-13.
40. Заярная О.В. Форма и вид соучастия как теоретические категории уголовного права // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 7-2 (12). С. 11-14.
41. Иванов Н. Соучастие со специальным субъектом // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 46-50.
42. Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 200 с.
43. Караулов В.Ф. Соучастие в преступлении // Советское уголовное право. Общая часть: учеб. пособие для студентов ф-та совет. строит-ва ВЮЗИ. М., 1972. С. 124-140.
44. Кассационное определение Липецкого областного суда от 19.10.2010 г. по делу № 22-1405/2010 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
45. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2022 г. № 77-1183/2022 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.
46. Клименко Ю.А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex russica. 2016. № 5. С. 156-168.
47. Клименко Ю.А. О юридической природе соучастия в преступлении // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4 (17). С. 144-160.

48. Клименко Ю.А. Развитие учения о соучастии в научной школе всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ) // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 13-19.
49. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 450 с.
50. Козлов А.П. Соучастие. Традиции и реальность. СПб., 2001. 380 с.
51. Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М., 1881. 270 с.
52. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. (постатейный) / Отв. ред. В.М. Лебедев. - М. : Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. 889 с.
53. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 416 с.
54. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. - Л., 1968. 690 с.
55. Лодий П.Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. СПб., 1928. 260 с.
56. Малахов И.П. Некоторые вопросы учения о соучастии по советскому уголовному праву. Л., 1957. 177 с.
57. Мальцев В.В. Проблемы соучастия в преступлении // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 32-35.
58. Мирзоян В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном уголовном праве: автореферат дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 33 с.
59. Мирзоян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступления в УК Российской Федерации и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 12-16.
60. Молчанов Д.М. Исполнитель преступления в соучастии и без соучастия: универсальная роль в многообразии юридических конструкций // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 3 (172). С. 107-122.

61. Некоз А.С. К вопросу о правовой природе и признаках подстрекательства к преступлению // Молодой ученый. 2018. № 17 (203). С. 46-50.

62. Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 32 с.

63. Немировский Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. 390 с.

64. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 30.05.2007) (Извлечение) (ред. от 12.07.2017). [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

65. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2013) (Извлечение). [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

66. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 08.12.2004 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2004 года» // БВС РФ. 2005. № 4.

67. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26.01.2005 г. «Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции». [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс.

68. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 32-36.

69. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53 000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. - М. : «Мир и Образование», 2007. 640 с.

70. Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2010 г. № 13-010-3 [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс..

71. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.07.2012 г. № 22-7618/2011. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

72. Павлухин А.Н., Рыжов Р.С., Эриашвили Н.Д. Виды и ответственность соучастников преступления. М., 2007. 260 с.

73. Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013. 220 с.

74. Пикуров Н. Новое в уголовно-правовой охране транспортной безопасности // Уголовное право. 2014. № 3. С. 61-62.

75. Пинчук В.И. Соучастие в преступлении: Учебное пособие. СПб., 2002. 360 с.

76. Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. 366 с.

77. Постановление Московского городского суда от 20.08.2018 г. № 4у-4300/2018. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

78. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 4.

79. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // БВС РФ. 2012. № 4.

80. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // БВС РФ. 2013. № 9.

81. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // БВС РФ. 2010. № 8.

82. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении

должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // БВС РФ. 2009. № 12.

83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // БВС РФ. 1997. № 3.

84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // БВС РФ. 1999. № 3.

85. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // БВС РФ. 2003. № 2.

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // БВС РФ. 2011. № 8.

87. Постановление Президиума Амурского областного суда от 04.06.2018 г. № 44У-27/2018. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

88. Постановление Президиума Верховного суда Республики Хакасия от 01.03.2018 г. по делу № 44У-4/2018. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

89. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.12.2013 г. № 235-П13 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

90. Постановление Президиума Московского городского суда от 20.10.2017 г. по делу № 44у-511/2017 [Электронный ресурс]. СПС КосультантПлюс.

91. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 24.04.2017 г. по делу № 44у-43/2017. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

92. Постановление Президиума Ульяновского областного суда от 13.04.2017 г. по делу № 44У-10/2017. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

93. Постановление Псковского областного суда № 44У-20/2016 4У-201/2016 от 28.10.2016 по делу № 44У-20/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Y7Rgi3yZRiJ9/> (дата обращения: 10.03.2023).

94. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 428889-6 [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

95. Приговор Волгоградского областного суда от 14.12.2015 г. по делу № 2-38/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kPhpVcfv64Yr/> (дата обращения: 15.04.2023).

96. Приговор Иркутского областного суда от 28.12.2017 г. по делу № 2-23/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bDCuZXbTbTbP/> (дата обращения: 10.04.2023).

97. Приговор Нижегородского областного суда от 19.01.2018 г. по делу № 2-3/2018. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

98. Приговор Свердловского областного суда от 17.05.2017 г. по делу № 1-7/2017. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

99. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 07.11.2016 по уголовному делу № 1-497/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.centralny.sam.sudrf.ru>. (дата обращения: 22.04.2023).

100. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1912. 610 с.

101. Рыжов Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 180 с.

102. Салимгареева А.Р. Проблемы установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 59-68.

103. Севостьянов Д.Л. Противодействие организации преступного сообщества (преступной организации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 30 с.

104. Соболев В.В. Форма и вид соучастия как основание дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления // Российский следователь. 2013. № 11. С. 5-8.
105. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.05.2023).
106. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 488 с.
107. Тельнов П.Ф. Соучастие в преступлении // Советское уголовное право. Часть Общая: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. - М., 1982. 620 с.
108. Ткаченко В.И. Преступления против здоровья населения. М., 1983. 279 с.
109. Травников А.В. Специальное подстрекательство в статьях 282.1 и 282.2 УК РФ // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2021. С. 236-240.
110. Трайнин А.Н. Соучастие в преступлении. М., 1941. 412 с.
111. Трухин А. Объективная сторона соучастия в преступлении // Уголовное право. 2008. № 2. С. 88-92.
112. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. А.И. Чучаева. - М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.
113. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М. : Статут, 2012. 770 с.
114. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
115. Хейфец И.Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914. 223 с.

116. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex russica. 2016. № 10. С. 19-26.
117. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы учений о соучастии // Правоведение. 1960. № 1. С. 96-98.
118. Шатов С.А. К вопросу о классификации видов и форм соучастия в преступлении // Закон и право. 2016. № 10. С. 86-88.
119. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012. 346 с.
120. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк, 2014. 250 с.
121. Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59-65.
122. Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении. М., 1962. 380 с.
123. Энциклопедия уголовного права. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2007. Т. 6. 987 с.
124. Яни П.С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 8. С. 24-28.